

Катастрофа ДЛЯ БАЙКЕРА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

АННА МИЧИ

18+

Анна Мичи

Катастрофа для байкера

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Мичи А.

Катастрофа для байкера / А. Мичи — «ЛитРес: Самиздат», 2018

От мужчин я в жизни не видела ничего хорошего, каждый первый норовит или затащить в постель, или сесть на шею. А больше всего ненавижу бабников – они думают, что стоит лишь поманить, как любая окажется у их ног. Вот и мой новый босс, красавчик-байкер, из того же теста. Его взгляды обжигают, но я твердо решила – никаких отношений с мужчинами, которым нужен только секс. Только исполнить обещание становится всё труднее. Во-первых, мы живем в одной квартире, а во-вторых, он мне нравится. В оформлении использованы фотографии, купленные на стоке shutterstock. Содержит нецензурную брань.

© Мичи А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Санька	5
Марк	10
Санька	16
Марк	27
Санька	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Санька

– И чтобы ноги твоей больше не было в моём доме! – дверь с оглушительным грохотом захлопнулась.

– Это вообще-то и мой дом. Был, – проворчала я, от щедрот пиная железную пластину.

Мать не успела отойти далеко, услышала. Раздался визгливый вопль:

– Будешь мне дверь ломать, в ментовку сдам! Пошла вон отсюда!

– Отдай хотя бы вещи! – выворачивая лёгкие, заорала я.

Ответом был глухой стук внутренней двери.

Я от души выругалась, ещё раз пнула внешнюю, повернулась и сбежала по ступенькам вниз. У подъезда села прямо на бордюр, хорошенько подумать. Всё ещё не верилось, что это происходит на самом деле.

Мало того что отчим меня вчера чуть не изнасиловал. Он и так давно зажимал меня, когда мать не видела, лапал и постоянно норовил прильнуть ко мне, когда у него стояло – а мама, стоило ей пожаловаться, обвиняла во всём меня. А вчера, пока она была с мелкими у бабушки, вообще завалился ко мне в комнату, снёс задвижку на двери к чертям. Сначала уговаривал и сулил денег, потом напал, козлиная – еле отбилась. Сбежала ночевать к Мимозе.

Утром он проспался, испугался, что я спалю его матери и навешал ей лапшу на уши, мол, я сама к нему приставала. Слова упали на благодатную почву. Мать и так шпыняла меня постоянно, мол, хожу дома, как проститутка – ей не нравились даже облегающие джинсы, будь её воля, она бы меня в паранджу, наверное, обрядила бы.

В общем, поверила в лёгкую и, когда сегодня я вернулась с работы, погнала прочь. А отчим, сволочь, скалил зубы за её плечом. Мол, дала бы вчера, ночевала бы дома.

И вот теперь я сижу здесь в чём пришла с работы, холодный бетон холодит попу, и внезапно у меня ни дома, ни семьи. Ни денег. Блин, мне даже на метро не хватит, последнее потратила. Завтра зарплата, но до завтра ещё нужно дожить.

Я достала телефон, открыла контакты. К Мимозе сегодня нельзя, к ней Славка должен прийти. Ленка не взяла, Таня тоже, зато взяла Настя:

– Алё? – но на фоне звучали клубные биты, а сама Настя была явно навеселе. – О, Санька! Ты с работы? Давай к нам! Мы тут с Танюхой и Ленусиком отжигаем.

Ах вот они где все. Ясно, почему не слышат телефона. Удивительно, что Настя услышала. Хотя она из нас всегда была самой здравомыслящей.

На миг мне захотелось поехать. Поймать такси, попросить Настю заплатить, завтра отдать с зарплаты. Оторваться, ни о чём не думая, протанцевать до утра, наклюкаться халявными коктейлями, которые так щедро покупают разные папики в надежде развести на секс...

Но нет. Учитывая то, что теперь мне, кажется, негде жить – траты на увеселения лучше умерить.

Я отказалась и снова стала гипнотизировать телефон. Стало немного завидно. Мы вместе учились с пятого класса, а вот теперь дороги постепенно расходятся. И Настя, и Танька с Леной поступили в универ, Настя вообще на бюджет попала, Танька с Ленкой на платном. Мне не повезло, так что я ходила на курсы, чтобы пересдать экзамены, и параллельно работала продавцом в мотосалоне у знакомого. Вот и выходило, что они всё чаще тусуются вместе, когда я то на курсах, то работаю, то отсыпаюсь.

Ладно. Тогда остаётся только Ванька. Если и у него нельзя, просто пойду сверху вниз по списку, авось, кто-нибудь хоть в гараж пустит.

Но Ваню, услышав мою просьбу, моментально согласился:

– Конечно, приходи.

– Спасибо, Вань. Реально, который раз выручаешь. Только, – я замялась, – до тебя добираться далеко, можешь за мной заехать? Заодно свой спортбайк прогуляешь.

Ванюха буквально с пару недель назад приобрёл подержанный мотоцикл известной фирмы. Я надышаться на него не могла: огромный, красивущий, мощный, от рёва мотора просто мурашки по коже. Вот бы он приехал на нём: прокатиться по ночном городу на крутейшем мотике – разве может быть что-нибудь лучше!

Но голос Вани приобрёл виноватые нотки:

– Ой, ну у меня сейчас катка. И ехать до тебя через весь город, ты сама куда быстрее доберёшься. Ну или подожди, пока я закончу.

– Тогда ладно, я сама, – разочарованно ответила я. Всё ясно, засел играть в дотку. Теперь не скоро вынырнет.

Завершив разговор, я снова поднялась к нашей двери. Потрезвонила и, не дожидаясь, когда из-за двери польётся брань, затараторила:

– Мам, одолжи хотя бы полтинник на метро. Или хотя бы вещи забрать дай.

Мне послышался приглушённый голос матери, но я не разобрала, что она спрашивает. Зато следом раздался голос отчима:

– Сейчас я с ней поговорю.

Я напряглась. Сунула руки в карманы, нахохлилась. Отступила ближе к лестнице.

Дверь отворилась, показался отчим в алкоголичке и трениках с обвисшими коленями. Осторожно прикрыл за собой и сделал шаг ко мне. Я сделала шаг назад.

– Ну что, ссыкуха, прищемили тебе задницу, а? Не думала, что мать родная из дома выгонит? – он радостно оскалился. А потом, воровато оглянувшись на дверь, одним шагом оказался рядом и толкнул меня к стене: – Давай по-хорошему, коза. Будешь пай-девочкой – пушу домой. Нет – проваливай.

Рука его легла мне на грудь и больно сжала. Я сбросила её резким ударом:

– Не боишься, что я ей всё расскажу?

– Расскажешь, сама же и вылетишь первой на улицу! – он заржал, обдавая меня водочным духом.

Подавляя позывы тошноты, я метким пинком врезала ему между ног.

– Кур-р-рва!! – отчим согнулся в три погибели, хватая ртом воздух.

– Пошли вы оба! – я кинулась вниз по ступенькам и некоторое время бежала, сломя голову, опасаясь, что он за мной погонится.

Но, видимо, я ударила хорошо, погони не было. Я умерила шаг и просто быстро пошла по направлению к метро. Фиг с ними, с деньгами, попрошу у какого-нибудь прохожего или просто сигану зайцем через турникеты, авось не догонят.

Злость кипела в душе, кулаки сами сжимались. Не на отчима – а на мать.

Как можно было выйти за такого замуж? Да не только выйти – ещё и родить детей?! Катька вырастет, так за ним не постоит и к родной дочери в трусы полезть со временем. Может, обратиться в опеку?

Блин, после того, как папа разбился, всё пошло в... задницу. Бизнес, на который отец, без преувеличений, положил жизнь, мать задёшево продала его бывшему партнёру. Тот наобещал ей с три короба и кинул. Мне тогда было тринадцать, я мало что понимала, но помню, как резко всё переменялось.

Когда папа был жив, я каждый день торчала в магазине, ходила там вся такая важная, сама могла поменять масло или перебрать тормозной цилиндр на хорошо знакомой машинке. Пигалица лет двенадцати-тринадцати, я была главной достопримечательностью округа, все байкеры знали меня по имени, как и я их.

Всё это моментально изменилось, стоило папе погибнуть. Во-первых, мать запретила мне даже приближаться к мотоциклам, не говоря уж о том, чтобы их чинить или гонять на них.

Во-вторых, магазин отошёл папиному партнёру. В-третьих, мы почти сразу разменяли нашу трёхкомнатную квартиру и переехали в старую двушку, дескать, матери стало ближе ездить на работу (домохозяйка, она вышла на работу после смерти папы). То, что мне до школы стало дальше, во внимание не принималось. Впрочем, мне это было на руку, вместо школы я отправлялась тусоваться с байкерами.

А потом, через пару лет, маман встретила отчима. Мне было шестнадцать, когда она нас познакомила. Внешне он оказался ничего, но его пошлые шуточки сразу стали меня вымораживать. Он почти сразу переселился к нам. Через полгода выяснилось, что она беременна, и они пошли и расписались. Поначалу держал себя в руках, потом, особенно под мухой, ни один раз не обходился без того, чтобы полапать меня, то прикрывая это разговором по душам, то воспитанием. Мать делала вид, что не замечает, когда замечала – злилась на меня.

Вспомнив, как отчим согнулся от моего удара, я зло захохотала. Не ожидал, поганец. Вот и пригодились уроки по самообороне, которые с моих лет тринадцати мне норвил преподавать каждый второй байкер.

До метро оставалось пилить ещё минут десять, как я увидела стоящий у обочины мотоцикл. Чёрно-красный «дукати», большущий, поблескивающий хромированной поверхностью. К сожалению, целиком разглядеть не смогла, потому что половину байка закрывал сидящий на нём чувак и стоящая впереди баба. Чувак с бабой слились в страстном поцелуе, причём его руки мяли её зад с какой-то вдохновенной жадностью.

Я всё ещё пялилась на мотик, когда эти двое наконец разлепились и баба что-то сказала. Он ответил, она повысила голос, он снова что-то с усмешкой ответил, поплыла трагическая пауза – тут я подняла глаза, и как раз вовремя. Хлоп! Баба заехала ему по роже, развернулась на каблуках и, виляя задом, пошла к подъезду.

Я проводила её взглядом, скептически приподнимая бровь. Вот не люблю я тех, кто на покатушки надевает каблуки. И вообще весь наряд её говорил о том, что она садится на мотик не для того, чтобы кататься, а для того, чтобы красоваться: обтягивающее розовое платье, короткая кожанка, чёрные чулки с полоской сзади. Как она не отморозила себе всё – апрель на дворе, не июнь.

Да, знаю, это во мне зависть говорит. Я тоже хочу одеваться красиво и вертеть задницей перед симпатичными парнями. Но вместо этого надо учиться и работать. И вообще лучше купить подержанный мотик, чем самые распрекрасные туфли с красными подошвами и каблуками двенадцать сантиметров.

Чувак на мотоцикле тем временем надел шлем и собрался уезжать.

Я не выдержала:

– Эй. Что, секс не обломился? – интересно, что он ей такое сказал, что она так взвилась.

Напрямую предложил перепихон, а она не такая?

Парень обернулся. Из-за шлема голос его звучал глухо, но насмешка там присутствовала:

– Да, чёт не повезло. Хочешь утешить?

– Три хаха, – ещё один, которому только потрахаться бы.

Он почему-то не торопился уехать. Стоял, смотрел на меня, визор поднят, одни глаза видны. Ничего так глаза. Но в шлеме все мотоциклисты красавчики.

И тут меня как чёрт дёрнул:

– Не одолжишь сто рублей?

– Чего? – он снова усмехнулся.

– На метро.

– Так, может, тебя довезти?

– Мне на другой конец города, – не без сожаления ответила я. Прокатиться на «дукати» – это ж охрененно. Наши в основном катали на японцах.

– Ну я всё равно катаюсь, – он пожал плечами.

Сесть на мотоцикл к первому встречному? И позволить ему увезти себя неизвестно куда, например, в лес за сто пятьдесят километров до города? При этом никто не знает, где я, и не станет меня искать?

Вы плохо знаете мою страсть к мотоциклам, если думали, что я откажусь!

– Я тебя за язык не тянула, – объявила я и приняла второй шлем, всё ещё пахнувший духами той стервовой девчонки.

Нет, конечно, и среди байкеров хватает плохих людей. Нельзя доверять всем без разбора.

Но – не знаю, это как братство. Если видишь человека на мотике, ты поднимаешь руку, и он поднимает в ответ. Если видишь, что у брата-мотоциклиста проблемы, ты останавливаешься, чтобы помочь ему. Ну, к нам, к девушкам, конечно, относятся с известной долей снисходительности – но я с детства тусовалась в компании байкеров и привыкла ставить себя как надо.

Если этот чувак завезёт меня в лес, получит по яйцам, а пока отходит, я угоню его мотоцикл. Пусть сам идёт пешкарусом сто пятьдесят километров.

С такими мыслями я сообщила парню адрес, прильнула к широкой спине и с наслаждением вдохнула знакомый запах кожанки и бензина. Взревел мотор, привычно качнуло, ветер захлопал отворотами куртки.

Ночные улицы стремились навстречу, фонари сливались от скорости в золотые цепи. Мы попетляли по дворам, выехали на кольцевую, даже сейчас с оживлённым движением, и мой водитель крутанул ручку газа.

– Уи-и-и, – я не выдержала и запищала на высокой ноте. Всё равно ветер уносит звук, да и шлем сильно заглушает.

Но – то ли сотрясение связок передалось через наши слитые вместе тела, парень обернулся. Из-за шлема я не видела его лица, но почему-то была уверена, что он снова усмехается.

Интересный чувак. Но, судя по тому, что я его не знаю, он или одиночка, или недавно в городе. Вряд ли новичок, управлял он очень уверенно, куда круче Ваньки. Может, пригласить его на тусу?

Я некоторое время покрутила эту мысль – и выкинула её из головы.

Пусть его, если сам узнает и приедет – стало быть, ещё встретимся и познакомимся. Если нет – так тому и быть. Друзей на хороших мотоциклах у меня и так хватает. Да и не мотоциклами они ценны.

Тем не менее, кататься на «дукати» мне понравилось. Он не гнал запредельно, как некоторые помешанные на скорости, но и не трясся сорок кмч по пустой дороге. Через каких-нибудь двадцать минут мы уже подъезжали к Ванькиному микрорайону, и я постучала по плечу водителя, заведя нужный дом.

Он аккуратно затормозил – тютелька в тютельку между двумя огромными лужами. Я дождалась разрешения, слезла и стянула с головы шлем, вернула парню.

– Спасибо. Ты неплохо водишь!

– Всего лишь неплохо? – он свой снимать не стал, так и сидел, расслабленно положив руки на бак. Из-за затонированного визора я не видела его глаз, но чувствовала, как он рассматривает меня. В ответ на вопрос неопределённо пожала плечами. Классно водил мой папка, а все остальные – всего лишь неплохо, и это уже была для меня крутая похвала.

Парень не стал заикливаться. Вместо этого спросил:

– Как зовут-то тебя?

Я в открытую поморщилась:

– Начинается, стоит девушку подвезти, как сразу хочется её и станцевать. Имя скажи, номер скажи, на палочку чая пригласи.

Он расхохотался. Из-за шлема смех звучал глухо, как будто дед Мороз застрял в трубе. Точнее, Санта Клаус, наш-то умнее, по трубам не лазает.

– А ты гордая независимая женщина? – подколот меня парень. – Использовала и выбросила?

– Независимее не бывает.

Про себя я загадала: снимет шлем и окажется симпатичным – так и быть, скажу ему моё великое имя всей Ея Александры Первой. Но парень не догадался, что счастье было так близко. Махнул мне:

– Ну, бывай тогда, независимая женщина.

Мотик чуть подал назад, вырывая на дорогу. Не дожидаясь, я отвернулась и пошлёпала к подъезду. Почему-то меня слегка разочаровало то, что он так и не снял шлем. Голос его мне понравился, да и ехал он реально здорово. Тормозил мягко, не подбрасывало, маневрировал между машинами только так.

Интересно, он придёт на мото-встречу на следующей неделе? Если да, то, наверное, там и увидимся.

Его самого я, может, и не разглядела, но мотоцикл его узнаю.

Марк

Удивительно, как быстро меняется город, когда ты в нём не живёшь. Кажется, всего-то уехал на два-три года, возвращаешься – а всё уже совершенно иное. Новые здания, новые дороги, новые тусовочные места. Но кое-что остаётся неизменным. Например, Гора.

Нет, конечно, и тут появилось много чего нового: скамейки, какие-то тарантайки с горячими напитками, неоновые хрени для туристов, чтобы их камеры наполнились ещё одним снимком из ряда «я был тут», – и самая роскошная вещь – даже общественные туалеты. Ещё каких-то лет пять назад все бегали в кусты.

Но сам дух Горы – место сходимости своих – остался прежним. Куча знакомых, приветственные возгласы, дух тусовки. Расспросы, кто что сейчас делает, неизбежное хвастовство, и, конечно, разговоры о мотоциклах.

Опираясь о парапет смотровой площадки, я поднёс ко рту сигарету, втянул в лёгкие сухой горьковатый дым. Там, в Европе, я почти не курил, слишком много ограничений: там нельзя, здесь нельзя, тут даже сигаретную пачку не покажи, а то штраф сдерут. Правда, сейчас и здесь, дома, не лучше. Пора, наверное, завязывать с этой привычкой окончательно.

Силуэт городского центра на фоне угасающего неба невольно привлекал взгляд. Ещё немного, и мы целой кавалькадой поплывём с Горы вниз, пронесёмся по городу с приветственными сигналами и рёвом мотора, поднимая на уши обывателей. Ветер в лицо, дорога стелится под ногами, и хочется гнать и гнать, не обращая внимания на светофоры. Главный кайф для каждого байкера.

Я оглянулся на море мотоциклов за спиной. И заметил смутно знакомую девчонку, курящую сидя на моцике неподалёку. Не люблю курящих девушек, но этой сигарета очень шла. Длинные распущенные тёмные волосы, жёсткий взгляд, красная помада – м-м, отличная девочка. Черты лица резковаты, но ей это подходит. Этаким ершистым маленький нахалёнок.

Жаль, не могу припомнить, где я её видел. На вид около двадцати, точно не из стареньких. Может, я её как-то катал, да забыл? Для неё этот моцик большеват будет, там не меньше семисот кубатура, а то и литр. Хотя если вторым номером, то конечно. Интересно, с кем она.

Я посмотрел туда-сюда, но рядом с девчонкой никто не тусовался. Недолго думая, я затушил сигарету и выпрямился.

Она вздёрнула чёткие тёмные брови, когда я подошёл. Затянулась; огонёк сигареты загорелся сильнее.

– Девушкам вредно курить, – я вынул сигарету из тонких пальцев.

Сам не знаю, чего мне взбрело в голову поучать её, обычно мне было всё равно. Но хотелось увидеть её реакцию.

– Совсем сбрендил? – окрысилась она. – Маму свою жизни учи.

Я покачал головой. Так себе реакция. Приложил сигарету к губам, со вкусом затянулся. Фильтр ещё хранил отпечаток её помады.

– Эй!

Мне нравились злые чёртики, ходящие в её глазах. Определённо, где-то я уже видел и эти глаза, и лицо. Но раз она не узнаёт меня, стало быть, я с ней по крайней мере не спал.

– На чьём моте расслабляешься? – я вернул ей сигарету.

Она приняла, повертела в пальцах, как будто сомневалась, докурить или выбросить. Наконец сунула в рот. Видя, как эти красные губы обхватывают фильтр, только что побывавший у меня во рту, я почувствовал, что в паху потяжелело. Не люблю курящих девушек, но нельзя отрицать, что это выходит у некоторых исключительно сексуально.

– Так уверен, что не мой? – огрызнулась она.

Я наконец вспомнил, где видел её. Я её и правда катал – ну как, подвёз с одного конца города на другой. На прошлой неделе это было. Она и сейчас была одета так же, как тогда: в чёрную приталенную косуху и чёрные же джинсы. Белые кеды выглядят скорее вызовом, чем диссонансом.

В принципе, ничего удивительного. Я так и думал, что она из мотоциклетной тусовки. Сзади сидела хорошо, не ёрзала, не прижималась, сдавливая рёбра. Да и по тому, как она гладела на моего железного коня, было видно, что любит мотоциклы.

– Сильная независимая женщина катает на сильных моциках, да? – поддразнил я её.

И увидел, как её глаза округляются. С пару секунд девчонка смотрела на меня, как на воскресшего Майкла Джексона. Мне даже захотелось взглянуть в зеркальце мотоцикла, чтобы понять, что со мной не так.

– Не ожидала, что снова встретимся?

Она кивнула, но скорее машинально. Оглядела меня с головы до ног, будто до сих пор не обращала внимания на то, с кем разговаривает. Выражение лица неуловимо изменилось, словно она миг потеряла желание ерепениться. Помолчала, потом кивнула в сторону:

– С ним катаюсь.

Я посмотрел туда. Сразу же отмёл мужика под пятьдесят лет с белой бородой: может, и предубеждение, но не представляю его на спортивном байке с этой крошкой сзади. И второго – потому что я знал этого второго, его жена ему дырку в голове проест, если он посадит на жопу кого-нибудь, кроме её самой. Оставался третий, высокий, под два метра, тощий пацан на вид не старше семнадцати.

Я поморщился.

Да-а, время течёт, трава уже не такая зелёная, всё больше становится мажоров, которые купили на мамкины деньги мощный мот и используют его только для того, чтобы цеплять девчонок. Уверен, этот вот дрыщ как раз из таких. По нему видно было, что он тащится по городу на скорости не выше тридцати кмч.

Ну и правильно делает, потому что если такие, как он, начинают думать, что охрененные гонщики, то бьются на первом же крутом повороте.

– С этим дрыщом? – спросил я у девчонки. – Ты его на байке не перевешиваешь?

О, так-то лучше. Она сверкнула глазами, как будто собиралась меня испепелить.

– Я вешу сорок пять кило вообще-то.

– И сколько из них приходится на сиськи?

Я недвусмысленно уставился на названные области тела. Жаль, из-за кожанки не разглядеть, насколько природа её одарила.

Девчонка издала неопределённый, но явно гневный возглас. Но промолчала, как будто не нашлась с ответом.

Она, похоже, совсем молоденькая. И парень у неё есть. Мне бы лучше оставить её в покое – но я не хотел. Мне нравилось её смущать и возмущать. Эти злые искорки в зелёных? голубых? глазах заставляли кровь быстрее бежать по телу.

Интересно, дрыщ попытается набить мне морду, если я приударю за его девушкой? Это, правда, некомильфо по правилам мототусовки, но я в упор не мог считать того парня частью тусовки. Пусть сперва мамино молоко с губ сотрёт.

Тут раздался голос, усиленный громкоговорителем. Объявили старт мотоколонны. Я помахал девчонке и отправился к своему моту. Жаль, что разговор пришлось прервать, но ничего, в клубе свидимся.

Я собирался найти её сразу, но сначала пришлось заняться делами. Совершенно случайно встретил нескольких нужных мне людей, которых до этого с месяц искал по всему городу безуспешно. В принципе, неудивительно, что это произошло именно здесь, в известном на весь

город месте сборища байкеров: в одном ведь бизнесе вращаемся. Мне надо было просто раньше выбраться на встречу.

Закончив с делами, пошёл гулять по клубу, ориентируясь на танцевальную музыку. Почему-то казалось, моя оторва будет зажигать там в самой серёдке, наслаждаясь чужими взглядами.

Так оно и было: она танцевала под быстрый битовый мотив, энергично двигая бёдрами.

Глотнув пива, я прислонился к колонне поблизости. Девчонка опять где-то потеряла своего дрыща, туда ему и дорога, была совершенно одна и выглядела дико соблазнительно. Кожаночка её куда-то подевалась, тонкая бежевая маечка задралась, мелькал стройненький животик. А сиськи – вполне недурные, кстати, не меньше троечки – прыгали в такт музыке. Я представил в руке их тяжесть, и в брюках стало тесно.

Ёшкин кот, вчера же только кувыркались в койке с охрененной девочкой. Хотя да, вчера это вчера, а сегодня это сегодня. Секс каждый день – основа здоровья, все это знают.

Допив пиво, я отставил стакан на ближайший столик и решительно пошёл к девушке. Она не сразу меня заметила, скользнула безразличным взглядом, отвернулась. Потом обернулась, слегка расширив глаза – и это мне понравилось. Запомнила-таки.

Движения её остановились. Я не спешил заговаривать с ней, всё равно в шуме музыки не расслышит.

От её взгляда у меня в брюках твердело ещё сильнее. Зрачки чуть расширенные – из-за темноты, наверное. Белые зубки очаровательно прикусывают нижнюю губку. Она, кажется, слегка набралась. Вот повезло дрыщу, транспортировать потом это обезбашенное тело.

Тут, как по заказу, музыка сменилась, стала тягучее и чувственнее. Я поймал девушку за руку, недвусмысленно притянул к себе. Запах её тела пощекотал ноздри. Не духи, а – даже не ясно – стиральный порошок? шампунь? Пахла она охренительно, чистым телом вместе с запахом этой отдушки, с родными сердцу каждого байкера нотками бензина и кожанки. Мой член взвыл, намекая, что у него уже давно не было разрядки – почти целые сутки!

Но долго моё наслаждение не продлилось. В первую секунду она доверчиво прижалась ко мне всеми своими изгибами, и в следующий момент уже вырвалась, захватив мне по предплечью:

– Не мацай меня!

– Да я вроде ничего... – начал было я, но поднял руки, увидев, как яростно вздымаются её грудки под тонкой тканью майки. – Как скажешь! Извини, если задел, это не нарочно.

Немного странная. Может, лесби?

Да не, не может. Что угодно ставлю, но таким взглядом лесби не смотрят. Может, дрыщ бьёт её? Тоже вряд ли, скорее она бы его избил.

– Может, посидим? – чую, зря я ввязываюсь во всё это.

Но она зацепила меня.

– Что? – переспросила девушка растерянно.

– Посидим, говорю. Тут же, вон, сидячие места есть, – я показал через плечо. – Просто поболтаем.

Я думал, она откажется, но она пожала плечами: «Ну давай». Первая прыгнула с танц-пола, стремительно пошла к свободному месту. Я глазел на её задницу, пока мы шли (жаль, что недолго). Обтягивающие джинсы так и манили потрогать – но я не самоубийца.

– Что пить будешь? – я придвинул ей меню, когда мы угнездились.

Наблюдал за её личиком, пока девчонка выбирала. Алая помада почти стёрлась с её губ, и меня вдруг укусила идиотская мысль: неужели дрыщ успел засосать её где-то в тёмном углу?

Я тут же выбросил это из головы: мне-то какая разница. Я даже спать с ней не собираюсь, а если бы и собрался, её парень мне не помеха.

Девчонка заказала коктейль с водкой. Я с сомнением приподнял брови, но спорить не стал. По идее, не нужно бы позволять ей напиваться, но... может, тогда она станет хоть немного поласковее?

Но от вопроса я всё же не удержался:

– Тебе восемнадцать хоть есть?

– Есть.

Ну хотя бы не посадят, если что. Хотя она, конечно, могла и соврать, не будешь же паспорт спрашивать.

Я пошёл заказывать и по пути ещё раз напомнил себе, что не собираюсь с ней спать. Вокруг полно других девчонок, куда более сговорчивых и на всё готовых.

Но когда вернулся с номерком на флагштоке, она, притулившись к спинке дивана, смотрела в зал с выражением потерянного котёнка, и меня опять безумно к ней потянуло. Что за чёртово наваждение. Опомнись, Марк, тебе не пятнадцать, чтобы западать на каждую более-менее симпатичную девочку.

Я сел с другой стороны, чтобы не напрягать её близостью. Спросил:

– А где твой дрыщ?

Она только помахала рукой.

– Не ревнуешь?

– Так он не мой парень, чего мне ревновать. Мы просто друзья.

Опа. Вот это поворот. Хотя нет, это ничего не меняет. В нашей тусовке с кем девушка пришла, с тем она и уходит.

Рядом с нашим столиком остановился официант. Сгрузил напитки, удалился. Девушка схватила свой стакан и одним махом выдула половину.

Я не выдержал, чувствуя себя старпёром:

– Эй, смотри, чтобы не развезло тебя.

Она не отреагировала. Точно странная. Поссорилась с дрыщом и хочет напиться?

– Что-то случилось?

– Всё в порядке, – она поболтала соломинкой в стакане. Потом посмотрела на меня и неожиданно усмехнулась: – Хотя знаешь, мама выгнала меня из дома.

Я приподнял брови, ожидая продолжения. Всё-таки несовершеннолетняя?

– Она имеет право, конечно, мне восемнадцать исполнилось пару месяцев назад, – мою мысль она тут же опровергнула. – Но, знаешь... как-то обидно, что ли.

Её тёмные брови вздёрнулись вверх, придавая лицу беззащитное выражение.

Мне не хотелось вдаваться в подробности. Ссоры с родителями, побег из дома, все эти подростковые выяснения отношений, всякие бунты, поиск себя. Слишком хорошо знакомо. Она взрослая девушка (пусть ещё и почти ребёнок), должна быть своя голова на плечах.

Мне просто хотелось переспать с ней.

Для начала поцеловать прямо в эти слегка выпяченные губки, которыми она мусолила свою соломинку. Прижать рукой затылок, протолкнуть ей в рот свой язык и на деле показать, как она меня заводит. Заставить забыть о всех её, мимолётных или вселенских, проблемах, заставить жарко дышать мне в губы, стонать от наслаждения, извиваться подо мной.

Но пока что она скорее заедет мне в зубы, чем позволит всё это.

Интересно, она девственница или уже нет?

Мысли сменяли друг друга, как загнанные белки в карусели.

Я достал бумажник, раскрыл его. Нашёл нужное, протянул ей через стол.

– Что это? – она приняла. – Визитка? Фига себе. Ты первый человек, который на мотосходке вручает мне свою визитку.

– Ну имя же ты мне так и не сказала, независимая женщина. Вот, представляюсь первым, официально.

– Марк Реутов, – прочитала она. – А чего отчества нет?

– Европейский стиль, – я улыбнулся. – А ещё натянутые отношения с отцом. Не очень хочу использовать его имя.

– Я-асненько, – протянула она. Перевернула визитку. И тут глаза её стали как два пятна. – Это же мотосалон «Блэк Моторс». Почему здесь записан его адрес?

– А. Извини, – я потянулся, чтобы отобрать визитку. – Это мне записали, совсем забыл. Сейчас дам чистую.

Адрес записал сюда нынешний владелец «Блэк Моторс», Алексей Зубченко, я даже не успел сказать, что знаю, где это. Зуб давно подыскивал нового управляющего, хотел расширяться, а мне нужно было дело, чтобы зацепиться на родине. Вот мы и нашли общий язык.

Завтра к полудню я как раз собирался навеститься в салон. Но откуда знает его девчонка? Причём так хорошо, что поняла по одному только адресу.

Я спросил её об этом.

– Он раньше принадлежал моему папе, – она подняла на меня вдруг заблестевшие глаза.

Я замер. Я вспомнил её. Не знаю, сколько ей было тогда лет, десять-двенадцать – но она постоянно отиралась в салоне у отца. Одета в вечный балахонистый комбез, с туго затянутыми косичками – все подшучивали над ней, называли Мега-Механиком. Или Королевой – от названия древнего советского фильма, «Королева бензоколонки».

– Ты дочка Лесника, – сказал я вслух.

Мне тогда было лет семнадцать или восемнадцать, и десятилетняя пигалица, строящая из себя эксперта, конечно, не вызывала у меня восторга. Проще сказать, явно раздражала. Но как-то после того, как она на моих глазах на спор разобрала малокубатурного моцика, я заткнулся. Отдал её папане, тихо посмеивающемуся за стойкой, пятьдесят долларов и зарёкся вообще спорить с Королевой о чём бы то ни было.

– Мы что, встречались? – её взгляд стал подозрительным.

– Не знаю, как ты, а я тебя помню.

– А я тебя нет.

Ах ты стервочка.

– Ничего, запомнишь.

Она промолчала, но на губах промелькнула слабая улыбка. Я отхлебнул пива, и она тоже потянулась к своему стакану. На этот раз отпила совсем немного.

– Папа погиб на трассе, ты знаешь? – подняла на меня глаза.

Я кивнул. Слышал об этом. Как раз заканчивал последний курс магистратуры, когда пришла весть, что Лесник разбился. Но подробностей я не знал, посетовал, конечно, что случилась такая беда. Но – мы все это знаем – мотоциклисты иногда бьются. Все мы под Богом ходим в этом смысле. Кто-то отделяется переломами, кто-то больше никогда не сядет на мот, а кого-то – увозят в деревянном ящике.

– Соболезную...

Пусть даже если бы погиб мой собственный отец, я только плюнул бы на его могилу. Эта девчоночка своего явно любила.

Она кивнула, шмыгнула носом. Передёрнула плечами, словно замёрзла.

– Холодно? – спросил я и запоздало назвал себя дебилом. Ну конечно холодно, она же в одной майке, а тут не то что сквозняк, тут ураган гуляет.

Я снял мотоциклетную куртку, пересел к девчонке и накинул на её тоненькие плечики.

– Спасибо, – сказала она.

Слегка повернула ко мне лицо с повисшими на мокрых ресницах слезинками, и меня повело. Я только тут заметил, что у неё слегка разного цвета глаза, один обычный, серо-голубой, второй – с яркой прозеленью во всю радужку. Эти большие влажные глаза, дрожащие нежные губки бросили меня в жар.

И она, то ли развезло от алкоголя, то ли перестала чувствовать во мне врага, доверчиво приподняла ко мне личико.

Гори всё огнём, если я сейчас её не поцелую.

Но я не успел. За моей спиной раздался возмущённый мужской голос:

– Санька! Ты офигела, да? Какого хрена ты меня одного оставила?

Я повернулся, не сдерживая раздражения. Её длинный хмырь торчал совсем рядом, унылая рожа вытянулась, овечьи глаза возмущённо сверкали. Пиво ударило мне в голову, и я приподнялся, чтобы сообщить парню, где тут выход. Но девчоночка пискнула что-то и вскочила, пролезая мимо меня. Скинутая с плеч куртка небрежно полетела мне на руки.

– Извини, знакомого встретила, – начала оправдываться моя собеседница.

Хмырь посмотрел было на меня недовольно, но, оценив мою фигуру, похоже, передумал связываться. Ещё бы, если рост у нас был примерно одинаковый, в объёме плеч я был раза в два его шире.

– Я, блин, тебя обыскался по всему клубу, как дурак! – вместо этого решил, похоже, напустить на девчонку. – Ты вообще-то у меня живёшь, не забывай как бы.

Так. А вот это новость. Так они живут вместе или только друзья?

– Эй, парень, – окликнул я его.

Дрыщ слегка вжал голову в плечи, но обернулся.

– Ты на девчонку-то не срывайся.

Он неразборчиво буркнул что-то, по-хозяйски приобнял её и попытался увести. Она пошла – но я усмехнулся, увидев, как она тут же сбрасывает его руку. Похоже, дрыща тоже держат на расстоянии. Нервно переговариваясь, размахивая руками, они пошли прочь.

Я проводил их взглядом. На фоне долговязого дрыща девчушка смотрелась совсем миниатюрной. Злой маленький чёртик.

Санька... Александра, стало быть.

Всё ясно с ними, держит парня во френдзоне, а у того от спермотоксикоза уже яйца лопнуть готовы. Бедняга. Ладно, буду великодушен и не стану подкатывать к ней больше. Девчонок полно, и куда проблемнее, чем эта. Вон, кстати, грудастая блондиночка явно строит глазки.

Я подхватил куртку и встал.

Санька

Вано, кажется, всерьёз взбесился, что я ушла так надолго. Станный, куда бы я подевалась, оставив у него и куртку, и телефон, и всё остальное? Подумаешь, слегка задержалась. Подождал бы, не маленький.

Но нет, мало того что искать отправился, так теперь шёл рядом и обиженным тоном выговаривал:

– Ты приехала со мной, так и будь весь вечер со мной, чего ты с хреном моржовым каким-то за столик уселась?

Хрен моржовый. Я вспомнила лицо того парня, Марка, представила его в вышеуказанном образе и еле подавила смех. По-моему, он даже в виде этого самого моржового сохранил бы холёную вальяжность загорелой рожи.

Когда я сегодня заметила его на Горе, даже подумала, что он забрёл на тусу случайно. Или он из тех парней, которые садятся на мотоцикл для того, чтобы цеплять девушек. Высокий, крепкий, загорелый – это в апреле-то! От улыбки бабы вообще, наверное, в штабеля укладываются.

Я даже засмотрелась поначалу. Стоит такой мачо на фоне неба, курит, смотрит на город. Тоже достала сигаретку. Глазела на него, уговаривая себя, что просто получаю эстетическое удовольствие.

Потом он вдруг докурил, выбросил бычок и направился прямиком ко мне. Я испугалась, что он заметил мои взгляды, хотела по-быстрому отшitty, но тут, слово за слово, выяснилось, что он и есть парень на «дукати».

Я, конечно, обалдела. По-моему, нужно запрещать мужикам, которые выглядят, как мужские модели, гонять на мотоциклах. Это же просто приём ниже пояса, ни одна девушка не устоит.

Ну, разве что у неё есть хорошая прививка от мужчин, как у меня.

Не знаю, почему я согласилась с ним посидеть. Наверное, интересно было узнать, откуда он такой взялся. Марк Реутов.

Он вызывал во мне противоречивые ощущения. Мне нравилось на него смотреть, я вообще загляделась на его руку, когда он брал со стола свой стакан с пивом. Крупная, с резко очерченными костяшками, выступающими венами. Тоже загорелая, как лицо. И голос его мне тоже понравился: мягкий, с проскальзывающими порой рычащими нотками.

И одновременно с этим он меня дико раздражал. Во-первых, потому, что он, похоже, привык пользоваться своей мужской привлекательностью, явно считал, что уложит в постель любую. Во-вторых, что ни фраза, то с подковыркой. В-третьих... меня раздражала собственная реакция на него. То, что я терялась от его взгляда, как овца, бекала и мекала, не зная, что отвечать на подколки. Что обрадовалась, снова увидев его там, на танцплощадке. Что по телу невольно прошёл жар, когда он обнял меня.

Я помотала головой, возвращаясь в настоящее. Забыли про этого Реутова, обычный бабник, каких тысячи. Надо с Ванькой разобраться.

– Почему я с тобой должна быть, мы что, сиамские близнецы, что ли? – возразила я вслух. – Я же тебе развлекаться не мешаю, почему я не могу потанцевать и поболтать со знакомым?

Ванька остановился и обиженно засопел.

Блин, я знала эту его привычку. Пытается показать, что недоволен и одновременно не хочет ссориться. Нет чтобы послать или по-мужски заявить, мол, будь рядом, и разговор окончен. Нет, Ванька по жизни пытается уладить дело бабьими способами: уговорами, рассуждениями, наматыванием десятков метров лапши на уши.

– Ну ты как бы моя девушка для всех, – так и есть, начал переливать из пустого в порожнее. – Что я, один должен быть, когда моя девушка с кем-то другим сидит?

Я скрестила руки на груди и посмотрела на него сверху вниз (технически снизу вверх, но со всем высокомерием её королевского величества). Не сработало, Ваню только распалился:

– Что он от тебя хотел? Подкатывал?

– Вань, ты чего? – я взяла его под руку. – Просто перекинулись парой слов же.

– Да? А чего он тогда к тебе лапы тянул? Почему ты со мной в обнимочку не разговариваешь?

– Ты совсем?

Нет, конечно, может, я и расслабилась. Вспомнила папу, настроение скакнуло. Но Марк, по-моему, только утешить меня хотел. Не заметила у него задних мыслей. Тогда, на танцплощадке – да, а за столиком нет, нормально себя вёл, обычно.

– Я совсем? Может, ты вообще к нему жить пойдёшь?

Это же надо как у него подгорело!

Пока я смотрела на Ваню в молчаливом изумлении, меня овеял лёгкий ветерок с запахами бензина, кожи и мужского одеколона, и приятный голос с ухмыляющимися нотками произнёс прямо над ухом:

– Я не против.

Я обернулась. Так и есть, стоит себе совсем рядышком, с довольной рожей, улыбается. А за руку уже уцепилась какая-то крашеная блонда. Наши с блондой взгляды перекрестились, как хорошо отточенные лезвия. Она отвернулась первая и дёрнула кавалера за руку:

– Может, пойдём?

Марк не успел ничего ответить. Я тоже подхватила Ваньку за локоть:

– Давай домой уже, хватит ссориться на ровном месте.

Блонда утатила Марка, я Ваньку. Он ещё мямлил что-то, но, по-моему, успокоился, завидев, что потенциальный соперник уже не один.

А вот моя личная реакция на это оставляла желать лучшего. Чёртов бабник. А ведь я уже было поверила, что он нормальный. Но нет, как все, что одна девушка, что другая. У него их на каждый день, наверное, девушки-неделька.

Ну и пусть шпилится с ними хоть со всеми вместе разом.

* * *

Кое-как, с рывками и резкими торможениями, на чинной скорости, мы добрались до Ванькиного дома. Стоило сойти с мотика, как меня охватило уныние. Ваня ушёл ставить мот в гараж, а я присела на скамейку, обычно оккупированную бабульками, и достала сигаретку.

Вспомнилась наглая ухмылка Марка, с которой он сегодня выхватил сигарету из моих пальцев. Это ужасно меня выбесило тогда. Но он, похоже, того и хотел.

А это «я не против», брошенное напоследок? Явно сказал только для того, чтобы Ваньку позлить. Вот возьму и заявлюсь к нему, когда мать Вани выпрет меня из их дома, посмеюсь.

Я достала прямоугольничек визитки, повертела в руках. Увы, домашнего адреса на ней не было.

Зато я вспомнила записанный на обороте другой такой же визитки адрес нашего «Блэк Моторс». Интересно, зачем он ему? И почему я не сказала, что там работаю? Что салон принадлежал отцу, сказала, а про работу нет.

Вот будет фишка, если он хочет что-то у нас купить, и завтра мы снова встретимся.

Хотя лучше не надо.

В последнее время «Блэк» медленно, но уверенно шёл ко дну. Всё меньше покупателей, всё чаще мы, продавцы, разводим руками на вопрос, есть ли та или иная деталь. Кузьмич

вообще ничего не делает, только орёт на всех или спит в подсобке. У него там, видите ли, кабинет.

Я слышала, хозяин хочет взять нового управляющего, но время шло, никто не приходил, Кузьмич расслаблялся всё сильнее. Да и другие продавцы всё больше ленились или откровенно спроваживали посетителей. Одна я, как дура, сбивалась с ног.

В этот салон папка вложил всю свою жизнь. У него глаза блестели, когда он рассказывал, где почём какие запчасти удалось достать. Он один из первых в городе начал продавать судзуковские супермото. Я помнила, как «Блэк Моторс» блестел и переливался, как папка приходил утром раньше всех (а я увязывалась за ним) и драил, драил стеклянные и металлические поверхности, чтобы салон издали привлекал взгляд.

А теперь – теперь уборщица приходит раз в неделю, запчасти для новых моделей уже пару лет как не закупаются, зато мы каким-то волшебным образом должны удовлетворить каждого клиента. Хорошо хоть только морально пока.

Ванька вернулся, и я встала. Затушила сигарету в консервной банке рядом с крыльцом. Прямо с удовольствием смяла о дно, как будто вместе с этим сминались и грустные мысли.

На часах было уже за полночь, и я думала, все Ванькины уже спят, но на шум в прихожей выпянула его мать, Елена Петровна. Брезгливо поджала губы, завидев меня. Я вежливо поздоровалась, но она пропустила это мимо ушей.

– Мам, я спать, мне завтра к первой паре, – Ваню прошмыгнул мимо неё. Он, по-моему, обладал встроенным радаром на скандалы. Всегда знал, когда мать хочет натянуть ему уши и что нужно сделать, чтобы её обезвредить.

Так и сейчас, она лишь сурово кивнула в ответ на его слова. Зато мне настолько не повезло.

– Саша, – начала Елена Петровна, когда я попыталась протиснуться мимо. Осторожно, но крепко взяла за рукав. – Я всё, конечно, понимаю. У тебя обстоятельства, и всё тому подобное. Я готова идти тебе навстречу. Но вообще-то я хотела бы, чтобы ты понимала – ты не в гостях здесь.

От её вкрадчивого мягкого тона я невольно вжала голову в плечи, напоминая себе Ваньку. Что я натворила? Оставила прокладки в ванной, и на них напоролся её муж? Это вряд ли, они спрятаны в глубине моей сумки, ждут дня «икс». И волосами сток не забивала, слежу за этим.

– Мы тебя приютили, кормим, поим, ты пользуешься нашей ванной, спишь в нашей кровати. Всё, что я хочу за это – лишь немного помощи в домашних делах. Неужели это так трудно?

– Нетрудно, – ответила я, пока ещё не понимая, к чему она клонит.

Вообще-то свои продукты я покупала сама – правда, запихивала их в холодильник, нагло пользовалась чужой электроэнергией. И с уборкой всегда помогала, уж точно не сидела на диване, лениво поднимая ноги, когда Ванькина мать проходила с пылесосом. Большая комната, куда они меня поселили, раньше была куда захламленнее, я спросила разрешения и перебрала шкафы, иначе мне даже постель на день убирать было некуда.

А сегодня меня вообще здесь почти не было: с утра я убежала на курсы, потом отстояла полную рабочую смену, потом поехала с Ваню на сходку и в клуб. Утром посуду за собой тщательно помыла, постель сложила и убрала. Когда уходила – в квартире была чистота и благодать.

Но Елена Петровна вела меня на кухню, так что, судя по всему, проблема образовалась где-то здесь.

– Вот, – сказала она торжественно и повела рукой.

Я еле удержалась от того, чтобы присвистнуть. К Ванькиной сестре приходили гости? Или стая обезьян устроила тут поминки по безвременно погибшему соплеменнику?

В раковине красовалась груда посуды. То, что не вместилось, стояло рядом и на столе. Масло, пятна жира, обглоданные куриные кости, присохшие ошметки неизвестно чего на сковороде. Пятна от варенья на столе, крошки, колбасные обрезки, какие-то странные разводы.

Вот это попиروвали.

Но я-то здесь при чём?

– Будь добра, помой, пожалуйста.

По форме это звучало безукоризненно вежливо. Но по смыслу...

Она ведь отлично знает, здесь нет ни одной моей тарелочки или кружечки. Это просто воспитание. Желание показать мне своё место. Уверена, она вернулась с работы как минимум несколько часов назад. Но не стала мыть – а может, не позволила вымыть никому из домашних. Специально, чтобы это делала я.

И неважно, как поздно мы с Ванькой пришли, неважно, что мне завтра рано вставать, и она это знает. Специально ведь не стала ложиться, чтобы застать меня и заставить вымыть всё это.

Нет, я была им благодарна за крышу над головой. Понимала, что причиняю им неудобства. Но вот это – было уже слишком.

В ушах зашумело от злости. В горле тесно сжалось.

– Знаете, – я обернулась к ней, – а давайте я буду вам платить?

Вежливая улыбочка сползла с её губ, в глазах мелькнула растерянность. Я продолжила:

– Давайте я буду просто давать вам деньги за ночёвку, за использование вашей посуды, тепла, электричества, чем ещё я тут пользуюсь. Ну как в гостиницах платят, посуточно. Сколько вы хотите?

Меня несло. Мне было уже всё равно, согласится она или нет, запросит ли невероятную сумму или обойдётся более скромными цифрами. Я просто не собиралась позволять им так со мной обращаться. Заставлять меня батрачить за всю их семью, как бессловесную Золушку.

Елена Петровна сразу пошла на попятную:

– Я же не поэтому, ты всё неправильно поняла. Оставь, я сама помою. Господи, и попросить нельзя.

Она запахнула халат на груди, уставилась в пространство, явно показывая, что делает мне одолжение.

Но я тоже не уступала:

– Нет, давайте я помою. Мне не сложно. За собой я всегда мою.

Очередной камешек в её огород она спустила. Молчание. Мы, как два боксёра, обменявшись ударами, временно разошлись, чтобы прикинуть следующие действия противника. Что она ответит? Примет моё предложение – и я получу эфемерное право продолжать жить здесь, будем относиться друг к другу с холодной вежливостью.

Или встанет в позу, скажет, что сделает всё сама – значит, мне пора отсюда уматывать.

– Ну, смотри сама, я тебя не заставляю, – она выбрала первый вариант. – Только не шуми потом в душе, пожалуйста, – повторила на этот раз уже куда мягче.

– Не буду, Елена Петровна. Ещё раз спасибо, что приютили.

– Ничего... людям надо помогать, – выплюнув эту ханжескую мораль, она некоторое время продолжала стоять, наблюдая, как я включаю воду. Потом протяжно вздохнула и ушла.

Я повела плечами. Фух. Стало легче дышать.

С местом жительства надо что-то решать. Скоро вторая неделя пойдёт, как я здесь приземлилась, Елену Петровну тоже можно понять, ей надоело терпеть дома чужую девчонку. А мне надоело подстраиваться под здешние правила и чувствовать себя приживалкой.

Но куда деваться? Мимоза съехала с Славкой, у них фактически медовый месяц. Сама Мимоза, может, и не стала бы возражать, но в однокомнатной квартире накрывшись одеялом слушать, как они нежничают... Не очень.

Хоть в самом деле к тому парню просись. К Марку.

Стоило произнести это имя, пусть даже про себя, как внутри разлилось тепло. Всего на одну секунду, в следующую я уже разозлилась. А от мысли, что он сейчас, наверное, трахается с той блондинкой, вообще захотелось запустить только что вымытую тарелку в стену.

Ненавижу бабников.

Ненавижу этого дурацкого Марка. Хоть бы вообще никогда больше его не встретить.

* * *

– Спасибо за покупку, заходите ещё! – я заулыбалась, провожая покупателя.

Тот, вихрастый парень лет двадцати с чем-то, тоже улыбнувшись, слегка смущённо помахал и вышел.

Кузьмич, словно только этого и ждал, тут же появился из своей подсобки и, набычившись, зашагал ко мне. Ну что опять ему надо?

– Я тебе в чём сказал вчера приходить? – он навис надо мной. – В юбке. А это что?

Потная жирная ручища ущипнула меня за обтянутое чёрными джинсами бедро. Не больно, но противно. Я хотела было ударить по ней, но рука сразу же убралась.

Кузьмич, козёл старый, и правда говорил так вчера. Естественно, я и не подумала подчиниться.

Во-первых, юбок у меня почти не было, только парочка самых любимых. Хорошо ещё, пару дней назад мне, в компании Мимозы и её Славика, удалось вынести из дома самые нужные вещи. Маман мы не застали, повезло, обошлось без скандала – а вот отчим оказался дома. Но против Славиковой полторы сажени в плечах и слова не вымолвил, запёрся на кухне и сидел там тихо, как мышь. Но, в общем, на данный момент у меня были определённые жилищные проблемы, и много унести всё равно не вышло. Самые необходимые вещи я отвезла к Ваньке, остальное, включая летний и зимний гардеробы, отдала Мимозе на хранение.

Мать потом звонила и требовала, чтобы я вернула вещи. Дескать, я её обокрала. Сказала, что сменила ключи, так что больше вынести у меня ничего не получится. Даже сейчас, вспоминая об этом, я почувствовала, как похолодела слюна во рту, свело скулы. Почему у некоторых нормальные матери, а у некоторых – вот такое вот?

Во-вторых, Кузьмича я не послушалась ещё и потому, что холодно пока в юбках ходить, хоть и конец апреля. В салоне двери постоянно нараспашку, не погреешься. Он сам-то сидит у себя в подсобке с включённым обогревателем, потеет, а мы тут мёрзнем. Ну а в-третьих – я ему что, грид-гёрл? Я своими ногами ему должна прибыль поднимать?

Нет, ну летом-то столько угодно, я и в купальнике могу показаться – но это должно быть моё собственное желание, а не дурацкий приказ сверху.

– Если завтра придёшь не в юбке, уволью на хрен. Поняла?

Грудь словно свинцом залили. Я с ненавистью взглянула на потное лицо. Пусть только попробует уволить, позвоню Зубченко и всё ему выскажу. Хотя я и так уже устала высказывать, а он только и знает, что твердить: «Да, в курсе, разберусь».

Тут за окнами салона мелькнул смутно знакомый силуэт, и я на миг отвлеклась от Кузьмича с его проповедью. Сердце почему-то подпрыгнуло.

В следующую секунду в салон зашёл Марк. Улыбочка на губах совершенно не наша, вся такая американско-дружелюбная, так бы и дала по роже.

Припёрся всё-таки. Что ему надо? Деталей для «дукати» у нас точно нету.

Тут он наткнулся взглядом на меня – и улыбка сползла с лица. Марк вытаращил глаза. Я не выдержала и усмехнулась.

Кузьмич обернулся, потом, похоже, решив, что это обычный зевака из тех, кто только смотрит и спрашивает, но никогда не покупает, снова посмотрел на меня:

– На фига ты мне сдалась тут, ничего не делаешь, только и знаешь, что глазки строить, безрукая идиотка! Думаешь, Зуб за тебя заступится? Да он таких, как ты, сотнями под откос пускает!

Марк отошёл к стеллажу, стал рассматривать товар. Блин, как же неприятно, что Кузьмич меня песочит при нём. Аж щёки загорелись от стыда и злости. Чего доброго, поверит, что я реально такая.

– Я тут побольше, чем вы, делаю вообще-то, – не сдержалась я. – Уж точно не дрыхну целыми днями в подсобке.

Марк обернулся. Расплылся в ехидной улыбке, гадина.

Кузьмич мгновенно расовирепел:

– Ах ты шваль подзаборная, ты ещё твякать на меня будешь! Да я тебя прямо сейчас отсюда выкину! – он попытался было схватить меня за плечи и потряхнуть, но я, как угорь из рук рыбака, выскользнула из его лап и отпрыгнула в сторону.

Кузьмич попёр на меня, я отбежала за мотоцикл, хотела было закричать. Тут Марк качнулся от стеллажа вбок, как-то мягко и ласково поймал Кузьмича за руку и заломил, заставив взреветь от боли.

Не дожидаясь, пока он начнёт сыпать матом, негромко предупредил:

– Ещё раз тронешь её – и вылетишь отсюда ты.

Отпустил его – Кузьмич, ошеломлённый, ничего не понимающий, развернулся и набылчился.

Марк сунул ему прямоугольник своей визитки. Взгляд у него был ледяной, у меня аж мурашки по коже пошли.

– Вам должны были позвонить, что я приду. Я Марк Реутов, очень приятно, – у него аж желваки на челюстях перекатились, так ему было «приятно».

В следующий миг он перехватил ладонь ошарашенного Кузьмича, крепко сжал, и лицо того снова исказилось от боли.

– Ты... вы... ты... – я первый раз видела, чтобы он так проседал в напоре.

– Где тут можно поговорить? – спросил Марк деловито.

Кузьмич неловко кивнул в сторону подсобки. Его лицо темнело прямо на глазах.

Марк пошёл первым, Кузьмич за ним. Даже не пригрозил мне кулачищем, как часто делал. Я молча проводила их взглядом.

Из отдела мотосервиса выглянул наш механик. Сегодня была смена Потапыча, парня немногим старше меня.

– Я всё правильно расслышал? – спросил он у меня. – Марк Реутов? Рэй?

– Рэй? – мне это прозвище ничего не говорило. Хотя сейчас я вспомнила, что на визитке было напечатано золотыми буквами: «Ray». Я подумала тогда, это что-то вроде логотипа.

– Ну тот чувак, который сорвал куш на итальянских нелегалках три года назад. Пришёл чёрной лошадкой и взял призовой фонд в несколько сотен килобаксов. Он же наш был, из России. Марк Реутов. Ты чего, об этом вся тусовка столько болтала!

Я смотрела на него в странном ступоре. Рэй, Рэй... ну да, что-то слышала. Но какой-то там мотогонщик в Италии, пусть и ухитрившийся взять приз – всё это было так далеко, что фактически прошло мимо меня.

– Так это правда он сейчас приходил?

– Вот его визитка, – я выцепила из кармана прямоугольный кусочек. Так и есть, Марк Реутов. В углу золотое «Ray». И мельче, белыми выпуклыми буквами, почти незаметно, по-русски: «Рэй».

Но я всё ещё не могла поверить. Нет, он правда круто гонял. И его мотик, «дукати» – итальянская марка. Но чтобы взять приз на гонках, пусть даже нелегальных?

А вот величина приза на меня почему-то не оказала особого впечатления. Слишком большие цифры сложно осознать реальными.

– Офигеть, – Потапыч всё восторгался. Вертел в руках визитку, чуть не облизывал её.

– Ой, да ещё чёрт надвое сказал, что это тот же самый, – у меня испортилось настроение, и я отобрала у него визитку. Засунула в задний карман.

Почему-то мне не хотелось, чтобы Марк и впрямь оказался бы тем парнем. Это делало его не просто красавчиком и бабником, но красавчиком и бабником с большими деньгами. Такие не катают по ночным трассам, не подвозят выгнанных из дома девушек, а плавают на яхтах, окружённые моделями.

Но зачем он к нам-то припёрся? Любопытство мучило, но я занялась рабочими делами. Вынырнула из них, когда дверь подсобки открылась.

Первым вышел Марк, Кузьмич следом. Ловко обогнул его, жестом попросил подождать, позвал меня и Потапыча. Марк шагнул навстречу, когда мы, недоумевая, собрались.

С кислым видом Кузьмич заявил:

– Рад представить вам нового управляющего салоном, Марка Реутова.

Новый... что?!

Я переглянулась с Потапычем, и, мне кажется, на наших лицах были чисто противоположные эмоции. У него – неверие, восторг и блаженство, у меня – ужас, паника и армагеддон.

Наш новый босс? Реально?!

Марк пожал Потапычу руку. Тот восторженно схватил её обеими руками, затряс и выдал:

– А вы тот самый Марк Реутов, который взял приз под Миланом три года назад?

Я молча сделала фейспалм. Марк расплылся в улыбке:

– Не знал, что об этом так широко известно. Приятно.

Потапыч ещё что-то нёс, от восторга захлёбываясь словами. Марк послушал-послушал, похлопал по плечу, а потом подошёл ко мне:

– Какая встреча. Не думал, что ты так здесь и работаешь, дочка Лесника.

– А я не думала, что ты сегодня сюда заявишься, – я сложила руки на груди. Прищурилась: – Ещё и в качестве нового управляющего? Это что же, ты теперь вместо Кузьмича будешь?

Он оглянулся на упомянутого Кузьмича.

– Не вместо, а вместе, – улыбнулся мне чуть свысока. – Кузьмин останется, просто будет выполнять мои приказы.

Останется так останется. Я мысленно пожала плечами. Больше занимало другое.

Итак, Зуб наконец нашёл управляющего. Вот это новости. Но, блин, почему Реутов! Это ж каждый божий день придётся видеть его наглую рожу.

Хотя мне понравилось, как он справился с Кузьмичом. Тот привык, что никто не смеет ему возразить, в последнее время вконец распоясался. Лишь бы Реутов не потребовал от меня дефиле в купальнике, когда Кузьмич поделится с ним своими ценными маркетинговыми мыслями. Потому что что-то мне подсказывает: ему бы идея понравилась.

* * *

Остаток дня Марк почти не высовывался из подсобки. Сидел, разбирался с бумагами, расспрашивал Кузьмича обо всём, загонял его к чертям, тот даже и думать забыл ко мне цепляться (обычно Кузьмич, если не спал, только этим и занимался).

В очередной раз, когда он, вытирая пот, появился из подсобки, то подозвал меня:

– Эй, сбегай в кафе, кофе ему принеси. Вот деньги.

Я подавила внутренний протест: что я им, секретарша, что ли? Молча взяла купюры. Кузьмич сел на моё место за кассу.

Это меня немного повеселило. Сосланный из подсобки, он выглядел жалко, как бездомный. Так ему и надо, а то привык, что ему всё можно.

Какой нужен кофе, я не знала, купила простой чёрный американо. Взяла сливки в пластиковых контейнерах, две трубочки сахара. Пусть сам мешает, если хочет.

Когда зашла в подсобку, Марк весь зарылся в бумагах, даже не сразу приподнял голову. От его взгляда сердце застучало быстрее.

Симпатичный, чёрт драный. Слишком симпатичный, чтобы просиживать задницу в тёмных подсобках. Шёл бы себе на подиум или на яхте своей катался.

Разозлившись на себя, картонный стаканчик с кофе я поставила слишком резко, жидкость внутри ударилась о пластиковую крышку, капля набухла на дырочке в середине. Не успела я убрать руку, как Марк схватил меня за запястье.

Прикосновение обожгло. Недолго думая, я нервно вырвала руку. Застыла, прижимая её к груди и сверля Марка взглядом. Что ему надо?!

Он нахмурился. Встал – и я невольно запаниковала. Отступила к двери. Он быстро настиг меня и припёр к этой самой двери. Наполовину закатанные рукава джемпера обнажали мускулистые руки, упиравшиеся в дверь по обе стороны от меня, и от одного взгляда на них внутри вдруг томительно и сладко сжалось.

– Какого хрена ты дёргаешься постоянно, у тебя травма, что ли? Тебя, что, бил кто-то? – спросил Марк с напором.

Я отвернулась, не в состоянии выдержать его горячий взгляд. Бил? Я что, выглядела настолько запуганной?

– Нет, просто мужиков, которые постоянно лапы распускают, ненавижу, – ответила скороговоркой.

– Я тебя просто за руку взял.

Я почувствовала, что краснею. Чёртово смущение, как же оно некстати. Так же некстати промелькнула и мысль, что, если бы это был не Марк, я, может, так нервно и не отреагировала бы.

– Не трогай меня, пожалуйста, – внешне спокойно ответила я ему.

– Я хочу знать, что с тобой такое, если это посттравматическое, это надо лечить.

– Ой, отстань! – и лучше вообще отойди от меня.

– Дай руку, – потребовал он.

Я подняла взгляд. Блин, что делать? Психолог доморощенный взялся по мою душу. Взгляд Марка буравил меня, будто норовил вывернуть наизнанку.

Неохотно я выставила ладонь линиями вверх. Ну на, раз тебе так надо. Можешь погадать, хиромант несчастный.

Не спуская с меня глаз, Марк осторожно взял мою руку. Большой палец лёг на самую серединку ладони, погладил. Пальцы обхватили сильнее, забирая почти всю. У меня вдруг ослабели ноги – это было ужасно интимно. От того места, где он касался, шли будоражащие волны.

– Ну, не страшно? – спросил Марк тихо. Его лицо было почему-то совсем близко. Тёмные глаза, казалось, видели меня насквозь.

– Всё, хватит! – я снова вырвалась, повернулась и схватилась за ручку двери. – Выпусти меня!

Марк не протестовал, убрал руку, я рванула дверь, с облегчением выскакивая наружу.

В салоне было неожиданно прохладно. Или мне только кажется так от того, что щёки пылают? Я хотела было коснуться их ладонями, но правая всё ещё хранила отпечаток ладони Марка, и я старательно вытерла её о джинсы. Не потому, что было неприятно – как раз наоборот. Стереть само воспоминание о том, как я стояла там, плаваясь от прикосновения и взгляда.

Чёрт бы побрал этого бабника, такое ощущение, будто он пытается меня соблазнить.

Вот уж нет. Я не хочу стать ещё одной галочкой. Тем более что мы будем работать вместе. Служебный роман с таким типом продлится недолго и закончится плохо. А потом каждый день его рожу видеть нужно будет.

Нет, если влюбляться, то я хочу, чтобы это было надолго. Желательно чтобы на всю жизнь.

* * *

Слава богу, больше в тот день Марк ничего мне не сделал. Оставался в подсобке допоздна, даже Кузьмича отпустил, работал, разговаривал по мобилке на иностранном языке – я даже не поняла, на каком именно. Точно не на английском.

Мы с Потапычем уходили вместе. Он проводил меня до дома, мы поболтали – о Марке, разумеется. Ничего кроме восторгов, впрочем, я от Потапыча не услышала.

А вот я была куда скептически настроена. Откуда он взялся вообще, наш новый босс? Разве он что-то знает, что-то умеет? Приехал из Европы и думает, что сечёт в наших реалиях. Ох не знаю, у нас тут совершенно другой мир.

Открыл мне Ванька, но не сразу. Почему-то подшофе, довольный и весёлый. Оказалось, они с нашими обмывают покупку нового мотика, и дело происходит именно здесь.

– А где твои? И сестра?

– К бабке поехали. Давай с нами посидим, – он потянул меня на кухню, едва я успела скинуть обувь.

Да уж, было слышно: пьянка в разгаре. Проходя мимо большой комнаты, я поморщилась. Она тоже была оккупирована: несколько человек сидели на моём диване, остальные – на полу. Кто-то резался в приставку. Блин, а я-то мечтала, как приду и завалюсь спать.

– Королева! – один готовый фрукт выскочил мне навстречу с объятиями. – Как делицы? Как жизнь юная?

– Отлично, пока вас тут не было, – ответила я, но невольно улыбнулась. Всё-таки эта атмосфера праздника и «все люди братья» мне нравилась.

– Пойдём! – он схватил меня за руку, я подумала было, что надо отговориться... и забила.

Сложно вести жизнь пай-девочки, если тебе восемнадцать, а в квартире туса.

То да сё, пиво за пивом, хмельной угар, и я уже орала что-то, по моему мнению, дико ржачное, зажата на диване между Бургером и Мимозой. Судя по взрывам гогота, сопровождавшим каждую реплику, собравшиеся моё мнение разделяли.

Не помню, что мы пили, кажется, всё, что горит. Помню, как опрокинула стопку водки на спор и долго запивала её минералкой. И помню, как все ржали над моей кривой походкой, когда я пыталась доказать, что трезва как стёклышко.

Ещё через какое-то время, когда опьянение схлынуло, я обнаружила себя на кухне курящей в форточку. Оглянулась на изгвазданный стол. Надеюсь, Елена Петровна не попытается свалить уборку здесь на меня, я точно никого сюда сегодня не звала.

За стенкой, в большой комнате, орали и галдели, а меня потянуло на лирику. Вспомнился Марк, его жаркий взгляд сегодня, тени, подчёркивающие скулы, делающие лицо ещё скульптурнее и притягательнее. Хватка руки на запястье, а потом тепло его тела, фактически прижавшего меня к двери. Я фантазировала, как он подходит, сначала просто смотрит на меня, прожигая взглядом, потом кладёт руку мне на затылок, другую на талию, властно притягивает к себе – и целует, с силой раздвигая губы языком. Так же жарко и жадно, как смотрел.

Правда, дальше я даже в воображении не заходила. Почему-то стоило представить, как мы с ним спим, как на следующее утро он быстро исчезал и появлялся в моей голове уже под руку с другой.

Я затушила окурок на блюдечке. Ванькина маман не курила и вообще была поборницей трезвости, так что пепельниц в этом доме не водилось, но наша пьяная компания клала на это большой прибор.

Тут на кухню, пошатываясь, ввалился Ванька.

– Санька-а-а, – заканючил он, увидев меня. Распахнул объятия: – Вот я тебя так люблю. А ты меня совсем не любишь?

Я соскочила с подоконника, пока он не опрокинул меня в окно. Попыталась ускользнуть от его рук, но Ванька поймал меня, припечатал к холодильнику и пьяно спросил:

– Я же твой друг?

Его большие горячие ладони жгли сквозь тонкую ткань майки, а дверца холодильника, напротив, морозила спину.

– Блин, Ваню, ты набрался, – я попыталась снять с себя его руки. Фигушки. Только крепче сжимает, рёбра скоро заскрипят уже.

– Нет, вот ты скажи, – продолжал он пьяно. – Я же твой друг? А почему тогда ты меня не любишь?

– Друг-друг, только успокойся. Отпусти меня.

– Санька-а, – не слушая, он полез целоваться.

– Ваню, прекрати, – я отворачивалась, как могла.

Он проехался губами по щеке, по шее, закачался, потеряв равновесие. Воспользовавшись этим, я нырнула под его руку и кинулась к двери.

– Эй! Стой! – он погнался за мной, но стол внезапно выскочил ему под ноги – ну то есть, для Ваню это, видимо, выглядело именно так. Он врезался в край столешницы, одна нога запнулась за другую, он свалился на пол и сел там, растерянно крутя головой.

Пока он не пришёл в себя, я сбежала с кухни. Заглянула в большую комнату, под шумок вытащила из шкафа своё одеяло. Вечеринка вечеринкой, а вставать мне в восемь. Лягу в комнате Ванькиной сестры, раз уж мою заняли. Лишь бы сам Ванька не впёрся ночью. Но, думаю, спяну он и не сообразит, что я куда-то подевалась.

Тем не менее раздеваться я не стала, легла поверх покрывала, накрылась принесённым одеялом. Остро пожалела, что на двери нет ни задвижки, ни замка. С пьяной компанией в доме спать не очень уютно.

Но заснула я довольно быстро и видела во сне жгучий, полный тёмной опасности взгляд Марка.

* * *

Решение не раздеваться буквально спасло меня. Я проснулась от того, что сверху навалилось нечто тяжёлое, пытящее и в стельку пьяное. Со сна не поняла, что происходит, взвизгнула, забилась, потом услышала голос Ваньки:

– Саня-а... Санечка, любимая.

Он твердил моё имя, восседая верхом, и одновременно пытался расстегнуть мои джинсы. Спяну никак не мог совладать с тугими кнопками и только дёргал, приподнимая мои бёдра.

– Слезь с меня, ты! – закричала я, пытаюсь скинуть его.

Блин, это прямо проклятие какое-то. То отчим полезет, то этот. И оба по пьяной лавочке.

– Санька, Санька, ты такая офигенская... – твердил Ваню. – Я тебя хочу...

– Зато я тебя нет! – я вцепилась в его футболку, забрыкалась, но Ванька был слишком тяжёлым.

Схватил меня за руки, прижимая к кровати, впился в губы поцелуем. Я задохнулась от алкогольных паров, а потом от того, как его язык шарил внутри, едва не залезая в глотку. Отвернула голову, прерывая поцелуй.

Блин, хоть бы кто услышал, как мы тут возимся. Но музыка из большой комнаты гремела на всю квартиру. Ванька слюнявил мою шею и грудь. На миг отпустив руку, задрал мне майку, тут же снова пригвоздил руку к кровати.

– Вань, отпусти. Давай по-нормальному.

Ноль внимания. Слава богу, лифчик я тоже не сняла, так что он пытался достать грудь из хватки лифона, как медведь – мёд из дупла. И вообще мы с ним находились в патовом положении относительно друг друга. Он, пока держал мои руки, не мог расстегнуть мои джинсы. А я зато не могла вырваться.

– Ванечка, ну пожалуйста. Мне больно.

Мне и правда было больно от хватки его пальцев, но из-за притока адреналина я не замечала этого, пока не сказала.

– Ща... – он и впрямь отпустил меня. Слез, стащил с себя штаны вместе с трусами.

Мать моя женщина, голый Ваню в ночном мраке размахивает мужским причиндалом, как флагштоком. Господи, почему это происходит со мной?

Я откатилась к стене, сгруппировалась, оттолкнулась от неё и сиганула к двери таким прыжком – лань бы позавидовала. Но лишь чуть-чуть не успела.

– Саня! – Ванька схватил меня за бёдра, мы повалились вместе.

Я пыталась выползти из-под него, карабкалась по полу, задыхаясь. Адреналин зашкаливал, меня трясло от злости и страха. Не помня себя, я ухитрилась перевернуться. Ванька навис надо мной, поймал мои руки, залепетал что-то умоляющее. Сверхъестественным усилием скинув его с себя, я врезала ему по голени. Целилась между ног, но вышло тоже удачно: он тут же потерял желание сражаться и завопил, хватаясь за ногу.

Я вскочила, выбежала из комнаты. Захлопнула дверь и на миг остановилась, тяжело дыша. Снаружи был словно другой мир: орала музыка, в табачном дыму шатались силуэты. Совсем рядом на полу кто-то спал, уткнувшись в сорванную с вешалки шубу.

– Саня-а! – квартиру сотряс вопль раненого нарвала. В смысле, оскорблённого в лучших чувствах Ваню. Как же, он предложил девушке всего себя, а она сбегает.

Не дожидаясь нового предложения, я помчалась в прихожую. По пути сорвала стоявший на зарядке свой телефон. В прихожей сунула ноги в кеды, а руки в свою кожаную куртку – и выскочила наружу. Уже внизу, стремительно шагая прочь, посмотрела на телефон – на часах была половина пятого.

Поспала, называется.

Меня ещё потряхивало, но я начала приходить в себя. Должна признать, в целом я не пострадала. Но, блин. На улице с собой нож ношу, а по ночам вот такое попадалово там, где я, казалось бы, в безопасности – прямо хоть под подушку клади.

Вот если бы Ванька не был пьяный... я бы не отбилась.

По позвоночнику пролился холодный пот. Я так ярко представила себе, как он накидывает мне на голову одеяло, обматывает хотя бы своим ремнём, в лёгкую справляется с джинсами.

Впрочем, нет, в трезвом состоянии он бы и не полез на меня.

Я закурила, чтобы успокоиться. В принципе, могу погулять тут с полчаса или часик и вернуться. Но возвращаться не хотелось. Вообще Ванькину рожу видеть не хотелось. Знаю, что он с утра наверняка сам раскаиваться будет, но...

И вот опять передо мной встаёт извечный вопрос: куда идти?

Марк

Дела в «Блэк Моторс» оказались хуже некуда. Теперь я понимал, почему Зуб прятал взгляд, уверяя меня, что всё на мази.

Я-то размахнулся: сейчас налажу дело с итальянскими поставщиками, с японскими, будем продавать то, сё – ага, как же. Птенец сдох, не взлетев. Пришлось разбираться с какими-то основными, базовыми вещами, которыми почему-то не занялся ни один прежний управляющий. Как выяснилось, «Блэк Моторс» уже с полгода работал с убытками. Продавали то, что оставалось на складах, а оставалось в основном какое-то дерьмо.

Нужно было полностью всё переделывать и переоформлять. Я решил, что потом обязательно стрясу с Зуба за обман, а пока оставалось лишь стиснуть зубы (чёртовы каламбуры) и впахивать.

Так что сегодня я отправился в «Блэк» ни свет ни заря.

И офигел, увидев у дверей сидящую прямо на земле фигурку Королевы. Точнее, не совсем на земле, на собственной кожаной куртке, но это мало что меняло.

– Ты чего так рано, мать родная из дома выгнала? – уже пошутив, я вспомнил, что в её случае это правда.

Она вскинула голову, удивлённо взглянула на меня. Тут же прищурилась: солнце светило ей прямо в глаза.

– Ой, это ты... я думала, Кузьмич первым приедет.

– Так что ты здесь делаешь в такую рань? – я приехал в семь, салон открывался в девять. На два часа раньше – это слишком даже для самого мотивированного работника.

Достал ключи, открыл дверь. Королева прошла за мной следом. Не скрываясь, зевнула, как кошка. Я только сейчас заметил её лёгкую помятость и алкогольный дух.

– Ах ты малолетняя пьяница.

– Сам ты... – вяло ответила она. Прошмыгнула в туалет, стала плескаться водой, умываясь.

Я подошёл и опёрся о косяк, наблюдая за ней.

Она наклонилась над раковиной, ткань майки обрисовывала острые лопатки, внизу виднелся кусочек нежной кожи поясницы, впадинка позвоночника. И опять на ней вечные чёрные джинсы. Первый раз вижу девушку, у которой в гардеробе, кажется, одни только чёрные джинсы.

– Поссорилась с дружкой? Выгнал тебя?

Девчонка, не отвечая, дёрнула плечом. Я некоторое время смотрел на неё.

А ведь, похоже, я угадал. Вот урод. Мне очень захотелось вскрыть ему черепную коробку и поворошить опилки в ней. Ладно поссорились, но разве это основание гнать девушку ночью на улицу?

– Слушай, Королева...

Она резко повернулась:

– Отстань от меня! – сердитые глаза сверкали. Но мокрые лицо и волосы делали её похожей на взъерошенную кошку. Котёнка со вздыбленной спинкой.

– Да я вроде и не приставал пока, – я отошёл и направился в подсобку. Достал ручку и лист бумаги, быстро написал нужное. Вышел в салон – Королева уже устраивалась на рабочем месте.

– Держи, – вручил ей.

Она подозрительно приняла бумагу. Брови вздёрнулись. Уставилась на меня. Уже без враждебности, с непониманием.

– Мой адрес, – сообщил я. – Я помню, ты сильная самостоятельная женщина. Просто на всякий случай. Чтобы тебе не приходилось отсиживать на земле свои яичники или что там у вас. Если твой дрыщ снова погонит тебя на ночь глядя, позвони.

– Ты серьёзно? – недоверчиво спросила она. – Я не пойду к тебе жить.

– А тебя никто и не зовёт ко мне жить, – я засмеялся. – Но если положение безвыходное, временно приютить могу.

Нет, на самом деле я не прочь был бы пожить с симпатичной крошкой. Чтобы она готовила, убирала, ухаживала за домом и за Мордой. И, разумеется, согревала бы мою постель.

Но обычно девушки слишком быстро начинали качать права. Сначала «сделай то, сделай сё», а потом: «На следующих выходных мы идём знакомиться с моей мамой, ты же не возражаешь?». Если вовремя не соскочить, то не успеешь опомниться, и ты уже женат и с двумя спиногрызами.

Пока что холостяцкая жизнь влекла меня сильнее. Нет, лет через пять-десять, не раньше.

Королева молча убрала адрес. Не выбросила и не разорвала на моих глазах – уже прогресс. Чтобы не напрягать её, я ушёл в подсобку.

И началась битва с документами и отчётами.

* * *

Я так загружился работой, что чуть не пропустил обед. Вышел – Королева как раз обслуживала покупателя. Я остановился на пороге, наблюдая за ней.

Она улыбалась – аж глаза искрились. Покупатель, мужик лет тридцати, тоже давил лыбу – было бы сложно не давить, глядя на неё. Параллельно она вбивала в кассе нужные данные и ухитрялась поддерживать беседу.

Мне захотелось послушать, о чём они говорят. Я с лёгкостью мог представить себе и то, что мужик подкатывает к ней, и то, что советуется о типе двигателя, и даже то, что спрашивает, куда ему лучше отвести своих детей на выходные. Королева была такая – многогранная в этом смысле.

Наконец он оплатил покупку и ушёл, помахав ей на прощание. Королева уселась на свой табурет – и её вмиг словно выключили. Руки безвольно повисли, углы губ поползли вниз. Она сразу показалась старше своих лет.

– Эй, – я не успел сообразить, что делаю, как уже двинулся по направлению к ней. – Ты обедала?

Она вздрогнула, словно очнувшись:

– Нет... ещё.

– Ну так пойдём, я тоже ещё не ел.

Она помотала головой:

– Я на диете.

Я окинул взглядом всю её худосочную фигурку. Какая ещё диета с таким весом? Сколько она говорила, сорок семь кило? В два раза меньше меня.

– В «Блэк Моторс» запрещено сидеть на диетах. Слышала? Правила компании.

– Что? Ты это придумал, – она всё же рассмеялась.

– Действуют с сегодняшнего дня. Идём, мне всё равно скучно есть одному. За счёт фирмы.

Я осторожно, готовясь к тому, что она в любой момент вырвется, подцепил её за локоток. Ничего, позволила. Кассу мы оставили на Кузьмина и вместе вышли на залитую солнцем улицу.

– Сюда, – я повернул её за плечи, когда она рванула было куда-то вперёд. Подвёл к своему моцику, достал шлем.

– Мы что, поедем куда-то?

– Я хочу есть там, где меня точно не отравят, – я надел на неё шлем, усмехнулся, увидев рожицу, которую она скорчила. Сам надел свой. – Как насчёт суши?

Королева вытаращила глаза, но кивнула. Мне было интересно, о чём она думает. И чего ожидала от меня – что я повезу её грызть бифштексы или мотать на вилку спагетти в итальянском ресторане? В принципе, и то, и другое я тоже любил, но сегодня хотел суши.

Я сел на мот, она тихо устроилась сзади. Не смог отказать себе в удовольствии втопить почти сразу на большой скорости – но девчонка не испугалась, наоборот, одобрительно взвизгнула. При въезде на шоссе я притормозил, её слегка швырнуло на меня, и тут я обалдел, потому что по телу хлынула обжигающая волна. От одной мысли, что сейчас ко мне сзади прижимаются её аппетитные троечки. Ёшкин кот, кажется, я серьёзно настроен затащить её в постель.

На шоссе мы влились в плотный поток. Это была странная поездка – я чувствовал её сзади. И фантазировал о том, как посадил бы её на бак, как она ехала бы спиной к движению, лицом ко мне, обхватывая меня ногами. Разумеется в короткой юбке, задравшейся бы так, чтобы видеть лишь краешек трусиков. Она бы смотрела на меня своими колдовскими разными глазами, дышала бы пьяно и быстро, невольно заведясь от вибрации бака под её маленькой попкой, облизывала бы свои коралловые губки. Взгляд заволокло бы туманом. А потом я бы остановился и взял бы её, готовую и горячую.

В общем, когда мы приехали на место, готов был как раз я. Вставать было неловко, да и двигаться тоже. Хорошо, что плотная ткань джинсов помогает скрыть некоторые... спонтанные ситуации.

Хиро оказался на месте, ловко жал рисовые колобки. Я поздоровался, он кивнул, белозубо улыбнулся:

– Ирасся-ай.

– Что это он сказал тебе? – спросила шёпотом Королева, когда мы устроились.

– Добро пожаловать, – я вручил ей меню. – Выбирай, не стесняйся.

– Ты говоришь по-японски? – на её лице появился восторг.

– Ну так, немного, – расплывчато ответил я.

На самом деле я общался на японском свободно: жил там где-то с год. Путешествовал по их обалденным, но ужасно узким дорогам, общался с тамошними мотоциклистами. Даже состоял в одной небольшой мотогруппировке, которую крышевали якудза. Правда, до дела никогда не доходило, японцы не хотели светиться с высоким белокожим «гайдзином».

Ну а с Хиро я познакомился уже здесь, на одной из японско-русских встреч, неизбежно переходивших в русско-японские пьянки.

– Обалдеть, – проронила Королева и уткнулась в меню. – А что такое магуро?

– Тунец.

– Прикольно. А торо?

– Тоже тунец. И ещё кацуо, аками, о-торо и цуна – тоже тунец.

Королева, по-моему, подумала, что я над ней издеваюсь. Подняла полные скепсиса глаза. Я со смехом развёл руками:

– Ну это как у эскимосов – тридцать слов для разных видов снега. Просто японцы очень любят тунца. Ты в первый раз в сушичной? Давай я закажу по своему вкусу. Хиро готовит – пальчики оближешь.

То ли мой заказ пришёлся ей сто процентов по нраву, то ли она была очень голодна – но уминала Королева за двоих. К концу ланча к нашему столику подошёл Хиро, мы немного поболтали, и я с удовольствием увидел, как округляются её глаза и рот.

– Новая подруга? – спросил Хиро, метнув на неё хитрый взгляд.

– Подчинённая.

Он видел меня с разными девушками, и я почему-то не хотел, чтобы он думал о Королеве как об очередной симпатичной пустышке. Но этого японца не проведёшь, он покивал и поднял большой палец вверх, словно одобряя выбор.

Мне понравилось наблюдать, как она пробует незнакомую еду, обучать разным мелочам, рассказывать о Японии, видеть, как сияют её глаза от интереса и восторга. Заодно невзначай расспросил её о себе. Королева без проблем рассказывала о прошлом, особенно о том времени, когда её отец был жив, но чем ближе к настоящему, тем болезненнее, похоже, становилась тема.

Про уход из дома упомянула мельком, сказала, что не ладила с отчимом, а мать встала на его сторону. Мне это было близко, моя мать тоже всегда принимала сторону отца, и для меня в своё время это тоже было болезненной темой, так что я не стал расспрашивать детальнее.

Попытался перевести разговор на дрыща: мне не нравилось, что она тусуется с парнем, который может выгнать её из дома – но Королева гневно зыркнула на меня и отказалась продолжать беседу.

А потом я заметил синяки на её запястьях.

Она, похоже, не обращала на них внимания, даже не прикрывала особенно, а мне они врезались в глаза, заплясали инвертированными белыми пятнами. Я почувствовал такую ярость, что аж руки задрожали. В ушах зашумело от гнева.

Ах он тощий сукин сын. Я представил, как смачно врезаю этому козлу по его вытянутой роже, как он откидывается назад, рассыпая из носа кровавую юшку, а изо рта осколки выбитых зубов.

– Где он живёт? Адрес?

Похоже, мой голос или выражение лица её напугали. Королева запнулась на полуслове, округлила глаза.

– Чей? – спросила через паузу.

– Твоего... – я в последний момент проглотил матерное словечко. – Этого... у кого ты живёшь?

– Зачем?!

– Назови мне свой адрес. Немедленно, – потребовал я, подавляя желание стукнуть по столу.

Не спуская с меня непонимающий взгляд, Королева выдала адрес.

– Окей, – я записал его в телефон.

Пока писал, начал немного отходить. Спокойно, Марк, за избиение малолетки (а парень там, хоть и двухметровый, явно не старше восемнадцати) по голове не погладят. Успеешь разобраться, не обязательно прямо сразу лететь. Если хоть ещё один синяк на Королеве прибавится, тогда и съездишь.

Самоуговоры подействовали, и расплачивался я уже почти спокойно.

Зато когда мы вышли, Королева начала совать мне деньги, якобы оплатить свою долю, и мне снова пришлось слегка рявкнуть, чтобы она унялась. Надулась, молча нахлобучила шлем и всю дорогу держалась только за бак, чтобы ни дай боже не коснуться меня.

Я только усмехался под шлемом. А когда мы подъехали к салону, затормозил нарочито резко, чтобы её бросило на меня.

Она, кажется, поняла, что я сделал это специально. Не дожидаясь, пока я скажу «окей», прыгнула с моцика (явное нарушение правил безопасности), стащила шлем, кинула на заваленный барахлом стол и ушла.

Я ещё вспоминал прикосновение её тела к спине, когда зазвонил телефон. Взглянув на экран, я ткнул в «снять трубку»:

– Слушаю.

– Привет, – раздался хорошо знакомый голос Макса, моего брата по отцу. – Я на пять минут.

– Да ты всегда ненадолго. Когда пить пойдём? Или хотя бы по ночные покатушки устроим?

Макс усмехнулся. И без перехода продолжил:

– Он в курсе, что ты вернулся, Марк.

Я от души выругался.

– Вот так и знал, с хорошими новостями ты не звонишь. И что, снова хочет прибрать меня к рукам?

– А что ты думал, ты его единственный сын. От правильного брака, в смысле. Важный элемент его образа.

– Шёл бы он со своим образом.

Макс снова суховато усмехнулся:

– Так что, в общем, поосторожнее там. Не подставляйся. У него на тебя планы.

– Да догадываюсь. Устроить на тёпленькое местечко где-нибудь в администрации города. Таскать повсюду за собой, как знамя, и махать перед журналистами, – я опять помянул батю неласковым словечком, на этот раз про себя. – Будь другом, постарайся, чтобы он как можно дольше не знал, где именно я нахожусь и чем занимаюсь. Чую, не даст он мне спокойно развивать своё дело.

– Это сложно, я с ним общаюсь ещё меньше твоего. Сегодня встретились чисто случайно. Он просто начал расспрашивать о тебе.

– Ясно. Спасибо, что держишь в курсе.

– Ладно. Давай. А покатаем обязательно, я только улажу тут один вопрос.

Я попрощался с Максом, засунул телефон в задний карман и, хмурясь, вышел в помещение салона. Всё-таки отец прознал. Неудивительно, я уже несколько месяцев как торчу на родине, когда-то он должен был выяснить. Значит, скоро ждать его на пороге. Его или его амбалов, чтобы их всех скопом черти побрали.

* * *

Королеву в тот день я отпустил пораньше – отсыпаться. Она почему-то не выказала никакого энтузиазма, уточнила, нельзя ли остаться поработать, а когда я сказал, чтобы проваливала, молча собралась и ушла.

В тот момент я совершенно забыл об её дрыще. А когда вспомнил, на часах была уже половина девятого, а на телефоне – два пропущенных звонка с незнакомого номера. Я перезвонил, теряясь в догадках: неужели отец нашёл так быстро? Но на том конце никто не взял.

Вот тут меня как обухом по затылку хватило: Королева. Наверняка звонила она, а если так, значит, что-то стряслось. И если теперь она не может взять, то...

Я ж убью его на хрен, если он с ней что-нибудь сделал.

Жил парень довольно далеко, и я выжимал под двести, когда движение на дороге позволяло. Не припомню, когда бы я так радовался тому факту, что мот – средство передвижения от пробок независимое. И всё равно путь занял у меня с полчаса, во время которых я на каждом светофоре проверял телефон и пытался дозвониться до предположительно Королевы.

Дом оказался обычной панельной многоэтажкой. Лифт уехал перед самым моим носом, и я помчался вверх пешком. Добрался до нужной квартиры, несколько раз нажал на кнопку звонка. Внутри нарастал гнев, подогреваемый тревогой. Открыть мне не торопились, и я застучал кулаком. Где ж этот сукин сын?

Наконец послышались шаркающие шаги, и в двери открылся кружок света. Глазок.

– Кто там? – послышался подозрительный женский голос.

Это меня несколько охладило. Я почему-то не ждал, что меня встретит женщина. Причём, судя по голосу, немолодая.

– Э-э, добрый вечер. Могу я поговорить... с вашим сыном?

– Что вам нужно от Ванечки? – подозрительности в голосе прибавилось.

– Не сколько от него, сколько... я ищу девушку, Александру. Она не у вас?

Хрен с ним, с «Ванечкой». Возьму Королеву и увезу к себе. Не стоит ей здесь оставаться.

– Смотри-ка, вот за ней уже и приходят, – а вот это прозвучало явно недовольно. Но не мне, скорее в сторону.

Следом раздался неразборчивый мужской голос. Дрыщ дома? Я постучал ещё раз, напоминая о себе. Откроют они или нет?

Открывать там не собирались.

– Нет её уже здесь! – снова сказала женщина громко и враждебно. – Ищите в другом месте! До свидания!

– Это в каком другом?

– Понятия не имею! Ушла и вещи свои забрала, а уж когда приходила, я не в курсе! Вам там виднее, где она может быть!

Глазок погас, женщина, кажется, собралась уходить. Я не имел ни малейшего понятия, где может быть Королева, но ясно одно, в этой квартире её нет точно. Если, конечно, её не держат связанной взаперти – но это уж слишком отдаёт мыльным телесериалом, чтобы быть правдой.

На всякий случай я громко пригрозил:

– Если я её не найду, я вернусь.

– Уходите, мы ничего не знаем! – послышался отдалённый голос женщины.

Ероша волосы на затылке, я спустился вниз. Сел на мот, завёл мотор. Ну и куда она могла пойти?

Может, ко мне?

Для начала заеду и проверю, и если её там не окажется, поставлю на уши всех и каждого, но найду.

Взбудораженный, встревоженный, сбитый с толку, я снова погнал через весь город в обратном направлении.

Санька

Марк прогнал меня из салона в районе шести вечера. Совершенно некстати, я-то думала сидеть там до упора: возвращаться к Ваньке всё ещё не хотелось.

Он так и не позвонил мне с утра ни разу, хотя я думала, будет обрывать телефон с извинениями. Наверное, решил, что всё привиделось ему в пьяном бреду.

Мимоза, у которой я хотела было выяснить, как (и когда) закончилась вечеринка, не взяла, видимо, была на работе. Настя с девчонками до среды умотали в другой город, на свадьбу Снежки, ещё одной нашей школьной подружки. Меня тоже приглашали, но денег не было совсем, и я отказалась. В общем, пришлось всё же, слегка помотавшись по улицам, идти к Ваню.

Вот только вместо раскаявшегося Ваньки и нотаций его уважаемой маменьки меня ждали мои собственные вещи, вываленные на лестничную площадку.

Я не сразу поняла, что это они. Подумала, что какой-то сосед выкинул барахло, поленившись отнести вниз, к мусорным контейнерам. Уже подошла к самой двери, чтобы позвонить, как меня будто что-то дёрнуло. Я обернулась и узнала свой брелок – чёрно-белую кошечку, подвешенную к сумке.

Проверила – точно, моё. Взяли из шкафа и вынесли сюда. Всё скопом: сумка, три пакета, всё, что у меня было.

Звонить и разбираться я не стала. Негласный «мессидж» был вполне ясен. Думаю, они бы мне даже не открыли, а если бы открыли, то только для того, чтобы пригрозить вызвать полицию.

Я вышла на улицу, таща вещи. Странно, их было-то всего ничего, но оттягивали плечи они так, будто весили тонну.

Две бабульки, сидевшие на скамеечке, при моём появлении затихли и окинули меня подозрительными взглядами. Я с трудом подавила желание сказать им, чтобы не обращали внимания, всего лишь выношу по частям расчленённый труп. Вместо этого отошла подальше и присела на бордюр. Закурила.

Марк.

Это имя выплыло в сознании буквально сразу, будто лопнул давно надувавшийся мыльный пузырь. И голову заполонило множество таких мыльных пузырей: «он дал мне свой адрес», «у меня есть его телефон», «он сказал, я могу прийти», «он даже несколько раз это говорил», «он классный», «у него обалденная улыбка» и «вот он офигеет, когда увидит меня».

Но, блин... Нет, я не могу к нему пойти. Что он подумает? Опять станет расспрашивать, не исключено, что пойдёт бить морду Ваньке.

Эта мысль на миг показалась мне заманчивой, но я покачала головой. Ваню, может, и не в курсе, может, это его маманя постаралась. Приехала с дачи или куда они там ездили, обнаружила, что квартира превратилась в притон, решила, что это моя вина...

В любом случае, хрен с ними, с Ванькой и с его мамашей. Неужели я действительно собираюсь отправиться к Марку? А что если он тоже станет распускать руки?

Почему-то мне казалось, от него не отобьёшься так легко, как от Ваньки.

Но пока рациональная часть моего сознания выкладывала аргументы против, оставшаяся (большая), совершенно безбашенная, уже подхватила вещи и зашагала к метро.

Нет, я позвонила ему сначала, конечно же. Но, похоже, в этот день меня проклинали, и Марк тоже не взял трубку. Пришлось ехать наудачу, уговаривая себя, что если там никого не будет или если дверь мне откроет какая-нибудь длинноногая стервочка, то сразу же уйду.

Марк жил в довольно престижном доме, с охраной и консьержем. Я решила было, что тут моя сказочка и закончится, но после того как консьерж посмотрел мой паспорт и переписал куда-то данные, пройти мне позволили.

Вот только дома и впрямь никого не оказалось. По идее, надо было уходить, но я устала. Бросила сумку с пакетами прямо у дверей, села и принялась ждать.

Не знаю, сколько времени прошло, телефон сел, но в один прекрасный момент лифт раскрылся на моём этаже (я так сжилась с этой лестничной клеткой, что, по-моему, имела полное право называть её своей) – и из дверей появился Марк.

Какой усталой ни была, я засмеялась в голос, увидев его ошарашенное лицо.

– Привет, – сказала, так и продолжая сидеть. – Ты вроде говорил, у тебя можно переночевать.

– Ёшкин кот, я уж думал... – он не закончил, вздохнул с облегчением. Улыбнулся.

– Что думал?

– Неважно, – он вытащил из кармана ключи.

Слава богу, он не стал ни о чём выпрашивать. Впустил в квартиру, помог затащить вещи.

Я почему-то даже с некоторой робостью переступила порог. Сердце сжалось, потом сжалось и где-то в животе, потому что квартира пахла Марком, его одеколоном, кожей и бензином. Звучит, наверное, ужасно глупо, но от этого запаха я на мгновение поплыла, даже к косяку привалилась, в глазах потемнело, и сладко засосало где-то под ложечкой. Захотелось вдохнуть полной грудью, пропитаться им.

Марк ничего не заметил, да и я сразу пришла в себя, стоило увидеть окружающий бардак. Ну как бардак – всё было очень стильно, начиная от прохожей: тёмные обои с золотистым узором, тонкая металлическая отделка на дверях и настенных бра, длинные шкафы для одежды и обуви, ничего лишнего... кроме того, что Марк явно ленился убирать в шкафы эту одежду и обувь, и она валялась как попало.

Я метнула на него взгляд украдкой. Неожиданно. Я почему-то думала, у него квартира блестит, а тут явная медвежья холостяцкая берлога.

Марк тем временем скинул куртку, оставшись в одной тёмно-синей футболке и джинсах. На левой руке виднелась татуировка: листья, цветы, пара иероглифов в сетке переплетённых узоров. Рисунок уходил вверх, и мне остро захотелось увидеть Марка без футболки. Он не был так уж сильно накачан, просто сухое тело с выпуклыми мышцами. Но его руки: рельефные, сильные, с крупными запястьями – сводили меня с ума.

Это нормально, возбуждаться от вида мужских рук? Или мне лучше сходить к доктору проверить головушку?

Пока я мысленно билась нездоровой головой о стены, Марк заглянул вглубь квартиры, как будто кого-то искал. Вернулся и спросил:

– Ты к э-э-э... котам... как относишься? Не боишься?

– Не боюсь. У тебя есть кот? – вот это новость! Почему-то не ожидала, что у Марка есть домашние животные.

– Ну он не совсем мой... и не совсем кот.

Окончание фразы я пропустила мимо ушей, потому что именно в этот момент кот выглянул.

Он и правда выглядел очень странно. Очень крупный, длиннолапый, со сравнительно небольшой головой... и длинными мохнатыми кисточками на ушах.

– Ой, это кто... мейн-кун? – я знала только одну крупную породу кошек. Присела, протянула ладонь: – Кис-кис-кис.

– Ну, не совсем, – уклончиво сказал Марк. Потом вздохнул, махнул рукой и признался: – Это рысь.

– Ры-ысь?! – от моего возгласа «не кот» нервно дёрнул ушами. – Ты держишь дома рысь?! Это же дикое животное!

– Ну, фактически я только присматриваю за ним, пока хозяин в отъезде. Он на балконе у меня живёт. Его зовут Мордор, но я зову его Мордой. Морда! Иди сюда.

Рысь смотрела на нас абсолютно кошачьим взглядом, излучая высокомерие и презрение.

– Охуе... – я проглотила слово на половине. – Ты не перестаёшь меня удивлять!

– Приму это за комплимент, – Марк усмехнулся. Взял мои вещи: – Идём, покажу тебе твою комнату.

Вау! У меня будет своя комната! Я пропустила шуточку о том, что надеюсь, это не рядом с рысью на балконе.

Это было не на балконе, а в конце коридора. Небольшая комнатка, заставленная тренажёрами. Заваленный одеждой и книгами диван. Сиротливое окно без занавесок с видом на соседний дом.

– Сорян, я тут спихнул всякое барахло. Но есть диван, – Марк провёл рукой по затылку, ероша волосы. – Обычно тут у меня друзья ночуют, просто давно никто не приходил.

– Да-а, – протянула я, оглядываясь.

Квартиру ему оформлял, может быть, и дизайнер. Но с тех пор ничья рука тут ничего не касалась. Многовековая (ну ладно, многомесячная) пыль, куча вещей, в том числе одежда, какие-то сваленные в беспорядке книги и журналы... ух ты, порно-журналы!

Я подхватила один:

– Так и думала, что тебе такие нравятся!

На обложке была полногрудая мукла в костюме медсестры. Выпяченные губы-блины, огромные полукружья грудей, выпирающие из чёрного белья в откровенно распахнутом вороте, взгляд без следа мысли.

Марк подошёл и заглянул мне через плечо. От его тела шёл жар, и у меня вдруг пересохло в горле, а журнал перестал волновать. Тем более что в следующую секунду Марк аккуратно вынул его у меня из пальцев и бросил на диван.

– Показать, какие девушки мне нравятся? – его голос стал ниже и чувственнее.

Под его пристальным взглядом я краснела просто неудержимо. Прямо чувствовала, как поднимается по телу горячая волна. Разозлилась на себя за это, но смущение продолжало печь щёки.

– Нет, спасибо, – я сделала шаг назад.

Марк, сволочь, шагнул ко мне снова.

– Если тебе здесь не нравится, есть ещё один вариант, – наклонился и прошептал мне в ухо, так, что волоски колыхнуло от его дыхания, а по телу побежали мурашки: – Спать в моей спальне.

– А ты здесь? – тон вышел слегка деревянным, потому что отходить было уже некуда, Марк припёр меня к стене. Расставил руки как тогда, в подсобке, и с мечтательной улыбкой смотрел на меня сверху вниз.

Запах его одеколона в таком положении чувствовался особенно сильно: сандал, морское побережье и сухая, горьковатая нотка табака. Мне захотелось уткнуться носом в его футболку, чтобы вдоволь надышаться. От этого запаха кружилась голова.

Марк протянул руку и коснулся моих волос, заправил за ухо. Его глаза потемнели, дыхание участилось. Взгляд скользнул ниже, останавливаясь на моих губах.

– А где ты хотела бы, чтобы я спал? – спросил Марк низким бархатным голосом, от мурлыкающих нот которого что-то внутри меня басовито загудело, отзываясь.

Я вдруг запаниковала. Мы одни в квартире, он может сделать со мной всё, что захочет. Сама же пришла. А он, может, считает, что раз пришла – готова на секс.

– Не трогай меня!

– А то что? – он усмехнулся.

И сделал это совершенно зря. Потому что в следующий миг мой перочинный нож уже упирался ему в подбрюшье.

А ещё через секунду я полетела куда-то лицом в диван, нож зазвенел, ударившись о пол, моя рука оказалась заломлена за спину, а Марк навалился сверху, жарко дыша в затылок.

Я попыталась вырваться и чуть не завопила от боли в заломленной руке.

– Отпусти, козёл!

– Ты ненормальная? – судя по голосу, он был очень зол. Но отпустил меня и встал. Отошёл, подобрал упавший нож.

Я села, расчистив себе немного места на диване. Подобрала ноги, сжавшись в комочек.

Марк рассматривал мой нож. Проверил остроту на пальце, покачал головой. Я знала почему: нож был очень острый, сама точила.

Только сейчас я поняла, что только что не сделала. Осознание нахлынуло волной, внутри всё помертвело. Что если я бы и впрямь его ранила? Что если бы это оказался смертельный удар?

Нет, я, конечно, хотела его всего лишь припугнуть... но он совсем не испугался.

– Извини, – хмуро сказала я наконец. – Меня переклинило.

Он зыркнул на меня прищуренными глазами. От него так и пыхало злостью.

– Ты думай, когда взрослому мужчине ножом угрожаешь. Тебе и не так могло на рефлексх прилететь. Извиняться не стану.

– Я сама уже извинилась, – я повысила тон. – Забудь, пожалуйста. Только... если ты думаешь, что я буду с тобой спать за право ночевать здесь, я лучше сразу уйду.

– Ненормальная, – повторил он и снова взъерошил волосы на затылке. Вздыхнул. – Ты не Королева, ты Катастрофа. Кофе-чай будешь? Давай поговорим.

– Ну давай. Чай буду.

Ох, чую, погонит он меня отсюда. И правильно сделает. Зачем ему нервная подборанка с оружием.

* * *

Как ни странно, на кухне было довольно прибрано. Может быть, потому, что особенно ею не пользовались. На сушилке над раковиной сиротливо стояла одинокая кружка, рядом такая же одинокая тарелка. Видимо, бабы его ему есть не готовят.

Я подавила гаденькую ухмылочку, усаживаясь на высокий табурет. Притихла, наблюдая за ним. Сейчас, когда и страх, и адреналин схлынули, мне самой казалось глупостью то, что я учинила. Подумаешь, парень зажал в углу – а я на него с ножом. Но просто после сегодняшней ночи... мне всерьёз показалось, что Марк мог бы...

Я тихонечко вздохнула. Балбеска, как есть балбеска.

Марк наконец поставил передо мной кружку с чаем. Себе налил кофе и сел напротив.

– Нож не носи с собой, – заговорил он. – Твоё оружие – перцовый баллончик или шокер.

Я уронила взгляд на пол. Перцовый баллончик или шокер – их ещё достать надо. А ножик подарил папа. Правда, не для того, чтобы я таскала его с собой для самозащиты. Когда он был жив, мы часто ездили в походы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.